

Д. Николай Е. К. Н.

медные лбы

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

Николай Александрович Лейкин

Медные лбы.

Картинки с натуры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68469881

Медные лбы. Картинки с натуры / Н.А. Лейкин: Центрполиграф;

Москва; 2022

ISBN 978-5-227-09978-5

Аннотация

В очередном сборнике юмористических рассказов классика Н.°А.°Лейкина раскрываются типичные для того времени темы. Традиционные праздники и способы их отмечать, в том числе способы накрывать на стол за счет гостей, и угощение приютских сирот на господском празднике – конечно, о равноправном веселье не может быть и речи. Вездесущие купцы, безуспешно пытающиеся понять значение пьес, балета, цирковых представлений, принципы составления библиотеки (на вес или объем книг), архитектурные особенности городских новинок – фонтанов и мостов. Последние особенно настораживают: как бы чего не случилось, лучше поехать по льду, чем по мосту. И еще о страхах: до сих пор люди опасаются летать самолетами, а в конце XIX – начале XX века уже заранее оплакивали поднимающихся на воздушном шаре, попутчики же по железной дороге и вовсе

не изменились. Так же жутковато и ночью на улицах, схожие увлекательные байки рассказывают о загранице, и настолько же похожи современные объявления о продаже на старинные – как и то, что ждет покупателей на месте. Зато радует, что отношение к труду художников медленно, но верно меняется к лучшему.

Содержание

На молебне	8
«Ошибки молодости»	14
Во французском спектакле	20
Норма	26
Давление	31
Дураки	37
В книжном магазине	42
Рассыльный мирового судьи	48
Новый фонтан	54
Купчиха и кучер	59
По первому снегу	65
Общество для покровительства детям	70
На молочной выставке	75
Лошадиный налог	80
После заграничных земель	85
Большие миллионы	91
Портной-меценат	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Николай Лейкин
Медные лбы.
Картинки с натуры

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

* * *

На молебне

Переpletчик Никанор Стахич Чапуров перевел свою мастерскую на новоселье, вследствие чего звал гостей на молебен с водосвятием и на пирог с сигом. Мастерские тоже были приглашены к торжеству. Мальчишкам-ученикам были выданы подонки деревянного масла из трех лампадок с приказанием примазать вихры для благообразия. Очищенные от грязи лампадки были вымыты и затеплены на новом масле. Образа в серебряных окладах вычищены мелом, и перед одним из них был поставлен стол с миской, наполненной водой. В назначенный час собирались гости, принося на новоселье хлеб-соль в виде кренделей и сладких пирогов, и ждали священника.

– Пожалуйте принять пирожок из глубины нашего сердца, – говорил один гость. – Черственький, но зато персон на двадцать хватит. Свежие-то пироги за рубль булочник давал не больше куриного носа; а этот, по крайности, хоть вид настоящий имеет, взглянуть есть на что.

– Ах, господи! Да что это вы, право, беспокоитесь, – жеманилась хозяйка. – Зачем такой изъян...

– Что за изъян! Мы на ту же цену у вас сами постараемся брюхом вынести.

– Что вы, помилуйте! У нас всего и закуски-то пирог с сигом да язык с тертым картофелем. Ну, конечно, селедка и

колбаса... А вы всегда так церемонитесь...

– Сегодня уж без церемонии. Вы говорите: на рубль не съедим. Как не съесть! Ведь нас тоже трое: я, жена да сынишка. Вы не смотрите, что он маленький. Дети-то еще больше едят. Возьмем язык с картофелем... Шутка ли по нынешнему времени картофель! Ведь он рубль четверик, тогда как на самом деле должен бы быть три гривенника.

– Ох уж и не говорите! Верите ли: мастеровых не знаешь, чем и кормить при такой дороговизне. Генералам только и есть нонешний-то картофель. Заладили мы на прошлой неделе треску и овсяный да гороховый кисель... Квартиру провоняли, а какой толк? Только живот пучит. У нас тоже публика ходит и благородные давалыцы, так ругаются.

– А вы печенку да свиные почки попробуйте в щак-то варить. Дешевле солонины. Я вон у себя на извозничьем дворе в лучшем виде артель кормлю. И сала вволю, и навар есть. – Полюбезничав с хозяйкой насчет дороговизны, гость сел. – Отлично, отлично, – говорил он хозяину. – Квартира совсем барская. Только аристократам и жить. Одно вот, что русской печи нет в кухне; ну, и лежанку в чистой горнице следовало бы. Я заглянул к вам на нары – просто хоть танцуй. Да вот что: велите-ка там стены-то серым мылом натереть. Нужды нет, что они вновь выкрашены. При мыле-то нечисть не так скоро заводится.

– А спальню нашу видел? – спросил хозяин. – Так шкапами отгородили, что и не заметишь. Спереди как бы кабинет

вышел, а за шкапы какую хочешь дрянь вали. Три воза спрятать можно. Удобства много.

– Ну, желаю жить-поживать да деньги наживать. Можно поздравить с новосельем-то?

Гость умильно взглянул на стол с закуской.

– погоди, дай протоиерею-то благословить, – остановил его хозяин. – Без благословения как-то неловко. Через это, говорят, у хозяев деньги не будут водиться. Да где ж это он запропастился? Сказал, что к часу будет, а теперь скоро два.

– Это ты протопопа-то? А сегодня купца Раковина хоронят. Так, пожалуй, на выносе и на отпеванье. Ну, пригласили выпить-закусить.

Вскоре явился священник и принес с собой запах покойника и ладана. Дьячок, откашливаясь басом, начал раздувать кадило.

– Истинно, можно сказать, так и умереть приятно, – рассказывал, благословляя гостей, священник, все еще находящийся под впечатлением богатых похорон. – Гроб золотого глазета, такого сорта, что глазет колом стоит, покров кованой парчи. Уж и постарался же гробовщик Шумилов! Регалии на шести подушках. Одних протоиереев шестеро... Архимандрит впереди. Говорят, на второе блюдо живые стерляди будут. Досадно только, что я очередной по приходу и нельзя было на обеде остаться. Впрочем, зашел и перед обеденной закуской воспользовался. Восторг что такое! Сортów двадцать всякого соленья и копченья.

– Богатые-то люди при таком обилии духовенства – прямо в рай... – заметил кто-то.

– Ну, там каждому по делу его. Можно начинать? Признаться, я тороплюсь, потому у меня тут панихидка еще в три часа по одной старушке.

– Сделайте одолжение, батюшка, – только вас и ждали.

Начался молебен. Гости и мастеровые наполнили комнату. Мальчики-ученики, пропахнувшие деревянным маслом, усердно молились и поглядывали на закуску. Один из них, стоявший ближе всех к столу, украдкой взял с тарелки кильку и, засунув ее себе в рот, поклонился в землю, наскоро прожевывая кусок. Это не уклонилось от взгляда подмастерья. Он дал ему подзатыльник. Мальчишка взвизгнул. Хозяин спросил, в чем дело, «прибавил на орехи», дернув за виخور, и запел, подтягивая священнику: «Правило веры и образ кротости...» Гости тоже пели. Кончилось «многолетием». Священник взял кропило и пошел окроплять дом. Два мальчика понесли миску с водой. В мастерской хозяин, указывая на учеников, сказал:

– Батюшка, нельзя ли моим сорванцам легкое поучение в виде острастки, а то, верите ли, удержу нет. Такое баловство, что ужаси! Все руки о затылки обломал. Авось с ваших слов людьми будут.

Священник откашлялся.

– Отроки благочестивые! – сказал он. – В сей новой рабочей храмине отдайтесь прилежанию к поручаемым вам ра-

ботам по мере ваших сил и способностей. Отриньте леность – мать пороков и почитайте наставляющего вас на ум-разум хозяина. Мните, что он печется о вас, поит и кормит, а по-сему и воздайте ему сторицею.

– Нельзя ли, батюшка, прибавить, чтоб вот тоже ламповых стекол меньше били, а то просто разорение! Стекло-то ведь двенадцать копеек, – вставил свое слово хозяин.

– Ну, уж это вы сами от себя... Мне лишнее...

– А насчет воровства? На прошлой неделе вот эта шельма вдруг кусок сафьяну...

– К делу, говорю, не идет. Где трапезу готовляете?

– А это в кухню пожалуйста. Да я вас попрошу и в чулан капусту окропить. Опять же, там у нас бочки с квасом. – Из кухни вернулись в чистую комнату. – Батюшка, теперь благословите закуску и покажите пример, – подвел хозяин священника к столу, но вдруг заметил, что в одной из приготовленных селедок посередине не хватает нескольких кусков. – Ах, подлецы, уж разворошили-таки фасон! Вот, батюшка, вы говорите, насчет воровства – лишнее и к делу нейдет, а чьих это рук дело? Пока мы горницы-то кропили, здесь какой-то постреленок полселедки и отворотил. Вот извольте посмотреть: хвост да голова остались.

Священник благословил закуску и, придерживая левой рукой правый рукав рясы, взялся за графин. Гости, предвкушая наслаждение «пропустить в себя по маленькой», стоя за ним, ждали очереди и облизывались.

– Сига копченого рекомендую... Первый сорт. Не сиг, а максан! – продолжал хозяин.

– С новосельем! Дай Бог всего хорошего! Одно вот жалко, что я на похоронах-то закусил.

– Катерина Никитишна, тащи пирог!

«Ошибки молодости»

Время под вечер. В трактире «Пекин», что близь Апраксина двора, сидит компания рыночников и бражничает. Стол обильно уставлен опорожненными графинчиками и пивными бутылками. На тарелках видны объедки бутербродов. Лица присутствующих красны. Идет оживленная беседа о том, что «ноне времена не те, покупатель больно дик стал, и никак ты его не взнуздаешь».

– Жиды его мысли дешевыми товарами разбили – вот он и мечется как угорелый да ищет алтынного за грош, – доказывает кто-то. – Прежде хоть съедобная часть в одних наших руках была, а ноне жид и в бакалею влез. Даже вон искусственное масло какое-то из жиру да из сальных огарков придумали и выдают его за подержанное, ну а покупателю было бы только дешево да сердито.

Один купец с подстриженной бородой сидел молча и читал афиши, но вдруг вскрикнул:

– Ребята, что черных-то кобелей набело перемывать! От жида ни крестом, ни пестом не отделаетесь, значит, и словесность эту надо бросить. В среду вот бенефис Струйской. Актриса очень чувствительная насчет игры. Сыпьте-ка на ложу в складчину, кто во что горазд. Шесть носов тут нас в сборе, вот все в литерную второго яруса с комнаткой и залезем. А с комнаткой чудесно. Можно провианту с собой захватить

да в антрактах и глотать по рюмочке эту самую контрабанду. Запершись, так никто не увидит.

– А какая игра будет? – послышался вопрос.

– Уж коли у Струйской в бенефисе, то, само собой, чувствительная. Одного носового платка мало, припасай два. Старые актеры в своих ошибках молодости будут каяться.

– Врешь?!

– Читай. Видишь: «Ошибки молодости», – показал купец афишу и ткнул в нее пальцем.

– Тс! – покачал головой купец-борода клином. – И в самом деле, «Ошибки молодости». Поди ж ты, до чего ноне актер ухищряется! Не плоше жида. Душу свою для заманки публики очищать хочет. Только ведь тут, поди, настоящей очистки не жди, а так только, один туман напустят.

– В смертных-то грехах покаются, а у кого какое уголовное чувство есть, разумеется, схоронят. Хоть и театральная игра, а все-таки зачем на рогатину лезть?

В афишу заглянул купец-борода лопатой и сказал:

– Ты говоришь, старые актеры каяться будут, а тут вон и Петипа выставлен.

– Так что ж, что Петипа! Этот хоть и из молодых, да ранний. У него хоть и у молодого, а театральных-то грехов страсть сколько! Вот первый грех уж в том состоит – сколько от него дур на стену полезло. Знавал я одну лабазницу, так та, насмотревшись на него в театре, даже извращение мыслей получила. Все была Марья Тарасьевна, а тут вдруг при-

казала себя звать Петипа Тарасьевна и шестнадцать евонных портретов в разных видах у себя в квартире развесила. Вдова она, мужа-то не было, так и обуздать было некому. Да, раз что же: даже на векселе хотела подписаться Петипой Тарасьевной. Хорошо, что деверь узнал, ну и поучил маленько по-родственному.

– И Нильский будет в «Ошибках молодости» каяться?

– Будет. Он барона играет. Покаянная роля должна быть ох как велика!

– Ну а Бурдин?

– Этого в афише нет. Чудак-человек, каяться надо все-таки стоя, а он при его безножии стоять не может.

– Так что ж, что стоять не может? По немощам можно не только что сидя, а и лежа. Пускай бы его вынесли на носилках. Его все-таки очень интересно было бы послушать.

– Ну, уж на нет и суда нет. Вот Сазонов, должно быть, большое покаяние произведет. Он будет какого-то Сарматова играть. Полонский тоже свою душу выворотит.

– В чем Савина-то будет каяться?

– Найдется, в чем. Помнишь, у ней с сочинителем Александровым междометие на сцене вышло из-за того, чтоб в окошко прыгать? Вот в междометии и покается. Сама Струйская, я думаю, выйдет на сцену, да просто без дальних разговоров и зальется слезами, благо на этот счет она мастерица. А уж там публика догадывайся сама – в чем грешила и об чем плачет.

– А Зубов играет?

– Нет, видно, побоялся свою душу перед публикой очищать. И на разовые даже рукой махнул. Так что же, ребята, сыпьте на ложу-то, – снова обратился купец с подстриженной бородой. – Мебельщик! Раскошеливайся ты первый. По вашей торговле теперь сенокос. Прожертвуй хоть резьбу с зеркала.

– Обирай сайки с квасом! Стул буковый гнутый жертвую! – откликнулся мебельщик. – Уж куда ни шло! Ну а вы, господин фруктовщик, чем нас обрадуете?

– Полтора четверика брусники с нашего рыла получайте, – дал ответ фруктовщик.

– Что ты за святой? Брусника-то ноне почему? Дешевле пареной репы, а на ложу с угощением все надо пятнадцать рублей собрать. Прибавь хоть две пары арбузов. Стыдись сквалыжничать.

– Жирно будет. Ну да ладно, банку килек жертвую.

– Прекрасно, так и запишем. Ну а вы, «продажа волоса, пуху, полупуху и щетины купца Затыканьева», что жертвуете?

– Четыре фунта обойного волоса.

– Прибавь что-нибудь, ведь эдак не соберешь.

– Нельзя, ноне волос в цене. Да ты посмотри, какой у меня волос-то! Я посмотрю вот, чем ты сам нас обрадовашь.

– Я? Я на театральное удовольствие всегда готов, – отвечал купец-подстриженная борода. – Цenen наш сапожный

товар, ну да уж где наше не пропадало, получайте калоши кимрятской работы. Теперь за вами остановка, ваше степенство, – обратился он к усатому краснолицему купцу.

Тот почесал затылок.

– Товар-то наш такой... – сказал он. – Не знаю уж, какую ценность тебе и пожертвовать. Ну да ладно, считайте пять фунтов железных заклепок да пуд вохры. Пожалуй, небольшую малярную кисть прибавлю.

– И это доброму вору впору. Краснорядец, ты последний, вершай дело!

– Торгуем плохо, – отвечал краснорядец. – Видно, за грехи... В своих грехах надо каяться, а не на чужое покаяние смотреть. Одно уж только, чтоб от людей не отставать. Пятнадцать аршин рубашечного ситцу, так и быть, бери!

– Ну, вот и все. Вносите, господа, соответствующие деньги. Сейчас мальчишку за ложей пошлем.

Купцы взялись за бумажники. В отдалении сидел еще купец и прислушивался.

– Допустите в компанию осветительный материал, – обратился он к компании. – Госпоже Струйской полпуда керосину прожертвовал бы.

– Нет уж, тесно будет. Нас и то шестеро, – отвечал сборщик. – Придется вам кресло взять.

– Кресло! Кресло-то и десяти фунтами стеариновых свеч не угнешь. Коли ежели мы не знакомы, то позвольте рекомендоваться. У меня вот тут свечная лавка.

– Ребята, да что ж тут! Примем его. Ей-ей, и всемером в литерной-то ложе будет не тесно, – предложил кто-то, и предложение было принято.

– Теперь, господа, бенефис Струйской спрыскивать! – воскликнул сборщик. – На то она и Струйская, чтоб нам в себя струю пустить! Мальчик! Тащи сюда средственный графинчик гореусладу белого!

Во французском спектакле

Субботний спектакль. Партер, бенуары и бельэтаж Михайловского театра заняты высшим обществом. Изредка попадает француз-перчаточник или семейство разбогатевшего французского ресторатора. В креслах обращают на себя внимание нарядно одетая дама внушительных размеров и ее муж, кругленький лысый человечек. Они спорят. Дама ест его поедом. Он пробует защищаться.

– Нечего сказать, уж и выбрал пьесу! – говорит дама. – Есть на что портнихе посмотреть! Пришли наблюдение над модными женскими нарядами актрис делать, а они в каких-то отрепьях играют.

– Но, душечка, пойми ты, что здесь актрисы бедный класс изображают, на манер как бы наши чиновницы-цикорницы с Петербургской стороны, так как же они могут такую симфонию, чтоб в роскошных платьях?.. Совсем не та модель. Слышишь, они только и говорят: «Кафе, кафе». Люди переварками кофейными питаются, а ты хочешь, чтоб они в нарядах по последней моде... – робко отвечает муж.

– Да ведь я вам толком сказала, что мне аристократическую пьесу надо или, к примеру, где кокотки во всех своих нарядах действуют, а вы меня на кофейные переварки привезли. Какой я здесь фасон с их платишек сниму! Французского языка не знаем – сиди и глазами хлопай. Велик инте-

рес.

– Действительно зевота одолевает, но что ж делать, надо потерпеть. Суди сама: разве можно по афише узнать, в последних парижских фасонах будет игра или в нищенском виде? Вот ежели бы я читал по-французски, то дело иное, а то вся моя французская грамматика состоит из двух словесностей, которые у тебя на портнихинской вывеске написаны: «Модес е робес». Эти два слова, действительно, я могу французскими буквами прочесть и понимаю, что они обозначают.

– Но все-таки вы знаете, что значит «мусье» и «мадам» или «мамзель». Это выставляется на афише, как же вы берете билет на такую пьесу, где супротив актерских фамилий только «мусье» стоит. Сiju и вижу перед собой только фрак и сертуки. Вот ежели бы я была мужской портной, а то вы сами знаете, что у меня дамская мастерская. Ни жилеток, ни брюк дамы не заказывают. Час сидим, и только две актрисы на сцену.

– Ну, проглядел, ну, прости, ну, что ж делать...

– Однако три-шесть гривен мы за кресла-то отдали ни пи-то, ни едено. Лучше бы я на эти деньги ногу телятины себе купила.

– Мамочка, и на старуху бывает проруха.

– Так ведь то на старуху, а ты старый дурак!

– Но, мой ангел, не петушись. Ежели тебе так денег жалко, то я кресла на свой счет приму.

– Скажите, какой богач выискался! Да и откуда это у вас

деньги завелись, коли вы на труды мои праведные питаетесь?

– Как на твои труды? Все-таки я частный поверенный, адвокат.

– Два гроша стоит ваше адвокатство! Держи карман, много ты наковыряешь, горничным да лакеям на своих господ кляузы писавши. Кого ты из путных людей защищал у мирового? Ну-ка, скажи?

– А майора-то того, что извозчика побил...

– Нечего сказать, хороша заработка! Ты его от тюрьмы защитил, а он тебя два раза до зеленого змея коньяком нарезал да легавого щенка подарил.

– Но ведь легавый щенок десять рублей стоит.

– Молчать! Какой ты адвокат! Портнихин муж вы и больше ничего.

– Мерси. Вот так одолжила!

– Нечего меня мерсикать. Я и сама намерсикаюсь. Меня этим не удивишь. Приду домой да и заставлю своих мастериц с девчонками по десяти раз «мерси» мне сказать.

Соседям по местам надоело слушать спор. Сначала они все оглядывались и пристально смотрели на шумящих, как бы приглашая их взором умолкнуть, но наконец начали шикать.

Жена и муж умолкли. Вышла пауза. Муж зевал и вертел в руках афишу. Жена первая прервала молчание.

– Скажете ли вы мне наконец, есть ли хоть впереди на афишке актрисы, а то я только одних актеров вижу, – снова

начала она точить мужа.

– Да ведь кто ж их, душка, разберет? – пожал тот плечами. – У них афиша-то какая-то темная с обманным обозначением. Вот смотри: на афише стоит – Едмонд Барб. Барб ведь – имя женское, а тут перед именем – мусью. Значит, актер, а не актриса. Просто надувают. Актрис у них нет в запасе, вот они для приманки публики и пускают актера с женским именем. Хоть я и адвокат, а уж иначе ничем не могу этого объяснить. Потерпи, может быть, какая-нибудь франтиха и выскочит на сцену. На афишке действительно есть пара мадамов и одна мамзель, которые еще не показывались.

– Потерпи! Зачем терпеть, коли можно у сведущих людей спросить? Спроси у своего соседа, – шепчет жена. – Поклонись поучтивее, скажи «пардон» и спроси.

Муж оборачивается к соседу, седенькому старичку.

– Пардон, мусье...

– *Plait-il, monsieur?*¹ – наклоняется к нему тот.

– Извините, но мы с женой хотели узнать, будут в этой самой пьесе актрисы выходить на сцену. Только в таком смысле, чтоб в роскошных нарядах по последнему французскому фасону.

– То есть как это? – недоумевает старичок.

– А так, чтоб такое изображение... Тепереча они, эти самые актрисы, голь перекатную играют, а нам нужны аристократки во всем параде или эти самые... кокотки... Изволи-

¹ Да, месье? (фр.)

те видеть, супруга моя – портниха и имеет мастерскую дамских нарядов, а я ее муж и привел ее, чтоб фасоны женских платьев скопировывать, потому дамы, ейные заказчицы, или, по-нашему, давальцы, к ней уж очень пристали: «Сходите да сходите, Анна Петровна, и посмотрите, какой у французских актрис вкус, а то вы нам платья на манер как бы к корове седло строите». Конечно, это один дамский каприз, но все-таки мы вот пришли, чтобы их потешить, а элегантных фасонов не видим. Так жена бы хотела знать: появятся такие актрисы, которые модниц изображают?

– Ах, вы для наблюдения за высшими новостями парижских мод? – догадался старичок.

– За этим самым-с, потому госпожи давальцы очень уши нам протрубили. Извольте видеть: в первом ярусе генеральша Мамолкина с дочерью сидит; они тоже у нас платья заказывают и тоже завсегда французскими актрисами жене глаза колят.

– Тогда вам нужно бы было выбрать салонную пьесу, а сегодня пьеса бытовая, – дал совет старичок.

– На такую мы и думали потрафить, да ведь как по афишке-то... На ней не сказано: салонная пьеса или нет. Пардон, еще один вопрос... Не перерядятся эти кофейницы в богатых? Ведь по пьесе все может быть: вдруг такая игра, что они будто бы двести тысяч выиграли или за богатых графов замуж вышли.

– Нет, сегодня роскошных нарядов вы не увидите.

– Покорнейше вас благодарю, – сказал муж и обратился к жене: – Нет, Анна Петровна, модниц в сегодняшней пьесе не будет. Вот господин объяснили.

– Тогда вставайте и идите домой. Нечего нам здесь делать! – огрызнулась жена. – А уж эти три-шесть гривен я вам припомню!

Жена и муж начали уходить. Муж поклонился соседу и произнес:

– Беда по ейному мастерству с давальцами! На актрисины наряды насмотрятся, что те из Парижа привозят, да потом и бунтуют перед русской портнихой!

Норма

Идет «Норма». Итальянцы-завсегдатаи в полном сборе. В партере виднеются фраки и белые галстуки. Чернеют тесно засаженные публикой галерея и балкон. Бельэтаж отличается простором. Есть ложи, где виднеются только по двое, по трое зрителей; зато ложи третьего и четвертого яруса набиты, как бочонки с сельдями. Замечается сильное многолюдие и в одной из лож второго яруса. В ней сидят женщины и дети, виден гимназист. Дети указывают пальцами на сцену и расспрашивают женщин о действующих лицах. Женщины тоже тараторят вполголоса и обращаются с вопросами к гимназисту. Соседи по ложе бросают на них строгие взгляды и время от времени шикают им.

– Мама, это кто же с седой бородой-то, что вон в простыне завернут? – спрашивает маленькая девочка.

– Старик, душечка, отец вот этой толстой певицы. Она дочка непослушная – вот он ее и ругает. Вишь, голос-то какой, словно труба. Ты води себя хорошенько. Он капризных детей смерть не любит. Сейчас схватит в мешок – и под халат.

– Это жрец Оровез, – поправляет гимназист.

– Слышишь: жрец. Он даже жрет детей. Это людоед. Видишь, какой бука.

– Да неужто, маменька, вы и в самом деле думаете, что

тут людоеды представляются? Жрец не потому жрец, что он жрет. Тут совсем не та этимология слова, – опять начинает пояснять гимназист. – Жрец – это поп, только языческий. Тут ведь идолопоклонство на сцене. И Норма также – вовсе не его дочь.

– А я думала, что дочь. Ну, да наплевать! Ребенку-то ведь все равно. Поди разбери, как они себя по-итальянски называют!

– Колечка, кто же эта самая Норма? Верно, попадья, жена вот этого самого попа? – спрашивает гимназиста другая пожилая женщина.

– Да кто ж ее знает, тетенька! – сердится гимназист. – На афише ничего не сказано. Да ведь и вам все равно. Ну, думайте, что она просвирня.

– Зачем же я буду думать, коли это неправда. Удивительно, как хорошо дерзничать с теткой! – обиделась женщина. – А коли тебя по-итальянски учили, ты вникни и Расскажи.

– Расскажи! Как я могу рассказать, коли сам не знаю. Разве в классической гимназии по-итальянски учат?

– А остальные-то бородачи, что в белых балахонах? – задает вопрос мать.

– Языческое духовенство. Почем я знаю: может быть, тут и архимандрит есть.

– Где идола-то у них?

– Идола за кулисами. Вы уж хотите непременно, чтобы на сцене идола были. Некоторые вещи публика должна только

воображать.

– Ну, а этот воин кто, что давеча с Нормой пел? Кто он?

– Воин – ее жених, и давеча он ей в любви признавался. То есть не в любви, а он ее сманивал, чтоб жениться на ней. Ведь это весталки, то есть такие женщины, которые поклялись не выходить замуж, и за это их допустили к охранению священного огня в храме. Полион, то есть этот самый воин, влюблен в нее.

– Есть во что влюбиться! Пожилая женщина, даже старуха. Просто, должно быть, на деньги ее польстился.

– Ну, уж там я не знаю, а только он поет и просит ее руки, а она колеблется.

– Дура, оттого и колеблется. Другая бы с руками ухватила за такого молодца. Одно разве только, что ее сомнение берет, как бы он деньги у ней не выманил да не прокутил.

Из соседних лож начинают шикать.

– Бросьте, маменька, ваши рассуждения. Вон, даже шикают нам, – останавливает мать гимназист. – И что вам за дело, дура она или не дура, есть ли у ней деньги или нет? Ведь тут представление, а не настоящая жизнь.

– Ну ладно, я замолчу, только ты мне объясни: что же этот самый седой поп-то, принуждает ее за воина выходить замуж или не позволяет?

– Напротив того, жрец Оровез даже и не знает о том, что за Нормой ухаживает воин Полион. Ежели бы он узнал, так, может быть, все ноги обломал бы ему.

– Ну, так я теперь понимаю, в чем вся штука. Просто эта самая Норма живет у старика как бы в экономках, денег у него нагребла, а воину это и на руку. Солдат уж, миленький, везде солдат, он деньги сейчас пронюхает. Вот и вся ихняя любовь.

Шиканье соседей повторяется.

– Послушайте, ежели вы не замолчите, то вас сейчас выведут из театра, – замечает женщинам солидный мужчина из соседней ложи. – Здесь театр, а не гостиная. Люди приходят оперу слушать, а не разговаривать.

– Нас выведут? Посмотрим! – откликается женщина. – Как же это нас выведут, коли нам эту ложу сам статский генерал Тарантасьев подарил? Сами они не пошли, потому супруга у них заболела, и отдали нам.

– А вот ежели не замолчите, то увидите!

– Любопытно! Да что вы мелете! У нас и билет при себе. Эту ложу генерал Тарантасьев на всю зиму за себя взял и денежки внес.

– Это ничего не значит. Ежели вы производите беспорядок...

– Какой же беспорядок, позвольте вас спросить? Вот ежели бы мы дрались...

– Молчите, пожалуста.

– Не стану и перед вами молчать! Мелко плаваете. Да знаете, генерал Тарантасьев всех детей у нас крестил, и сами мы в двенадцатом классе и служим под его начальством. Да му-

жу моему стоит только слово сказать генералу...

– Маменька, оставьте, пожалуйста, – упрасивает ее гимназист.

– Зачем я буду молчать, коли он ко мне привязывается! – возвышает голос женщина. – Кто вы такой, какого чина, что имеете право мне грозить?

– А вот я вам сейчас покажу!

– Не покажете! Руки коротки! По полету вижу, что не важная птица!

Размахивая руками, женщина толкнула ребенка. Тот заревел. Солидный мужчина из соседней ложи выбежал в коридор.

– Капельдинер! Капельдинер! – слышался его голос.

– Мировые-то судьи, слава богу, у нас не за горами! – не унималась женщина. – Нынче и хамку обидеть, так ответишь, а не токмо что чиновницу.

В ложу входит капельдинер. Заслыша шум, в партере подымается дежурный театральный чиновник и спешит на скандал.

Давление

Открытие нового моста через Неву. Народ придрался к случаю и гуляет. Некоторые по несколько раз проходят взад и вперед. Местами движутся пестрые толпы; слышны толки, делаются замечания о прочности, идут рассказы о пробе моста.

– Приказано даже сгонять народ со всех сторон и прямо на середину моста, чтобы как можно больше давления было среди публики, – рассказывает какой-то новый тулуп. – Так и в газетах писано, чтоб давление на мосту... Анисим Калиныч, давай напирать друг на друга и делать давление.

– Зачем же им давление? – спрашивает его товарищ.

– А чтоб прочность пробовать. Выдержит – так ладно, а нет – подпорки начнут подводить. Тут нужна большая механика.

– Ты, брат, молодец, слышал звон, да не знаешь, где он, – поправляет чуйка. – Давление еще на прошлой неделе делали. И не публика, а гласные Городской думы. Самые которые грузные пришли и стали на самую середину. Потом гири квадратные принесли и начали три квадратных пуда на квадратный фут ставить, а сверху всего этого сам городской голова встал, да рядышком с ним купец Глазунов поместился. Вот что дом-то на Невском, так он. И хоть бы малость треснуло! Об этом действительно в газетах было писано.

– Зачем же купец Глазунов-то?

– А для почета, потому у него такая должность, что он комиссия, ну и именитый человек от купечества. Нынче, брат, не старая пора, купцам-то во всем уважение; где барин, там и купец с ним рядом. Вот он как выборный от купечества с городским головой бароном Корфом рядышком и постоял. Конечно, все это одна прокламация, а для всей торговой нации все-таки лестно. Купец – и с бароном рядом.

– Ври больше! Какой тут почет! Просто потому, что он грузнее всех.

– Толкуй! И погрузнее его есть, да ведь не ставили же. Вовсе он даже и не грузен, а так себе, средственный человек. Я Глазунова знаю очень чудесно: мы ему известку на двор возили.

– А самого Струве, который мост строил, не ставили?

– Зачем же его ставить! А вдруг он дух затаит, ну, и выйдет фальшь. Посторонних выбирали.

– Да ведь это ничего не составляет. Сколько хошь дух затаивай – а вес-то все тот же останется, – поясняет усатый человек в фуражке с глянцевитым козырем, в калошах с медными машинками и с новым зонтиком в чехле. – Тут действительно один почет без всякого антресоли. От всех званиев люди были. И с нашей трактирной стороны депутат Спиридон Иваныч Григорьев стоял. А в нем какой же груз? Он теперь после болезни так отощавши, что совсем без владения сил. Его только перстом ткнуть, так сейчас кверху тор-

машками...

– А вы по трактирной части?

– При бильярде служим. Наш Спиридон Иваныч теперь куда!.. Прежде он в Думе все на хлопштосе действовал, а теперь у него игра тихая и удар пропал.

– А от мастеровых людей ставили на эти самые квадратные-то пуды?

– Тоже ставили, но уж тех по второму сорту и с мещанами вместе. От ремесленников почет приял булочник Полозов да выбрали к нему штуки четыре мещан, которые почище.

– А кабатчиков не ставили?

– Кабатчиков! Ты бы еще про мусорщиков сказал. Что такое кабатчик? Тоже купец, только без почета. Ну, значит, достаточно с него, что он чувствовал, что и от купечества человек стоит, и даже не во втором, а в первом сорте. Они будут народ спаивать, а их ставить! Жирно будет.

Проходят простые купец с купчихой.

– Электричество уж в фонарях пускать будут? – спрашивает купчиха.

– Да, на манер как бы в саду «Ливадии» эта самая иллюминация, только без музыки. Новый мост, так уж нужно, чтоб и новое освещение. Теперь скоро газу шабаш! Вырывай из земли трубы да тащи на рынок. Да и слободнее с электричеством-то, потому вода под боком.

– А разве его из воды делают?

– Делают из всякой дряни, но непременно надо, чтоб на

воде разбалтывать; через это чище горит. «Ливадия»-то от того первая пример и показала, что там кругом вода.

– Машинами делают?

– Само собой, машинами. Из дряни идет дух, а чтоб публика вонь не чувствовала, ее и промывают.

– Без скипидару электричество-то горит?

– Само собой. Ведь это все равно что газ. Освещение самое чистое, и от пожара хорошо, потому искры уж никакой. Электричество ведь – это огонь холодный. На нем и папироску не зажжешь. Когда горит, так можешь даже сесть на трубку голым местом и без повреждения. Даже еще прохлада, как бы продувает. Вот только разве взрыв на манер торпеды...

– Ой, Олимп Григорыч! Тогда уйдем лучше! – вскрикнула купчиха.

– Дура, да ведь это только когда клапан попорчен, а Городская дума все клапаны пробовала и даже при самом Яблочкове. Призвали его и говорят: «Дави, – говорят, – квадратными футами», а он им: «Не токмо что футами, а даже саженьями могу, и то ни один фонарь не сдаст». Обмотали вокруг фонаря веревку в двадцать сажень и давай раскачивать. Как было, так и осталось.

– А на огонь Дума-то не садилась во время пробы?

– Предлагал Яблочков гласным и лестницу хотел подставлять, да как на эдакую вышь залезешь? Народ все тяжелый. Нет, насчет взрыва ты уж без опаски...

К купцу подходит знакомый и раскланивается.

– Каково сооружение-то? Говорят, каждый винт на заграничный манер построен. Да и то сказать – шесть миллионов!

– А разве в заграничных землях такие мосты есть?

– Там, сударь, еще чище. У нас только через реку, а там есть мост через море. Вот, например, в городе Италии.

– Да ведь, говорят, Италия – страна бедная. Оттуда все с шарманками да с обезьянами к нам едут.

– Ничего не значит, а все-таки у них мосты – первый сорт. Они недопьют, недоедят, лягушками питаться будут, а мост все-таки построят. В городе Италии есть такой мост, что даже с музыкой. Идешь по нем, а он «Травиату» играет.

– Значит, органы под мостом поставлены?

– Нет-с, самый мост как бы фортепьяны. У нас панель, а у них вместо панели клавикорда; и так как каждый тальянец музыку знает, то он по мосту идет, а сам ногами по клавикордам в такту перебирает, все равно как у нас перстами, а из всего этого и выходит музыкальный интерес. Когда-нибудь и мы такого моста дождемся.

– Куда нам с музыкой! – махнул рукой купец. – Уж хоть бы с трактиром мост устроили, а то вот с полчаса по мосту топчешься, а выпить нигде.

– Действительно, это большое междометие при всех приспособлениях. А вы вот что: вы на Выборгскую пожалуйста, там сейчас красная вывеска, – сказал знакомый. – И я с вами. Ну-ка, кому угощать: орел или решетка?

– Решетка.

– Коли так, получайте наши потроха!

Дураки

Открытие сезона в цирке Чинизелли. Публика лож и кресел, осмотрев лошадей в конюшнях цирка и справившись о предстоящих новинках, засела в свои места. Спортсмены с серьезностью всех знатоков оценивают достоинства четвероногих актеров, стараясь при этом блеснуть техническими выражениями. На арене кривляются клоуны, стараясь смешить изо всех сил публику, но спортсмены не обращают на них никакого внимания. Зато верхние ярусы цирка в восторге. Там, как водится в подобных случаях, слышны даже ласковые ругательства.

– И где только учатся они, шельмецы, всем этим штукам, чтоб их жук забодал! – восклицает не то купец, не то артельщик, заседающий со своей супругой во вторых местах, и утюжит при этом платком потную шею.

– Это дураки-то? – дает ответ сосед в серой сибирке и прибавляет: – Известно, за границей, потому иностранцы... Там им кости выламывают, там и учат. Ведь у них развихление всякого сустава устроено.

– А нешто за границей есть дурацкая школа?

– Еще бы не быть! Даже целая дурацкая академия существует, на манер как бы нетриситет, а в ней скубенты. Скубенты там курзу держут и в дураки готовятся. И как курзу кончил – сейчас получает свидетельства на листе: дескать,

дурак во всем составе. После этого уж они поступают на места и начинают ломаться.

– Ну?! Вот уж я этого не ожидал.

– Мало ли ты что не ожидал, а только это верно, как в аптеке. Мне один конюх-немец рассказывал, что у графа Заварова в англичанах служит. Он тамошний заграничный, так уж как же ему не знать. Как придет к нам в лабаз овес закупать – сейчас и рассказывает про все заграничное. Я у него спрашивал: «Как же, – говорю, – эти самые заграничные дураки насчет паспорта?» А он мне: «Также, – говорит, – у них и в паспорте прописано: „Предъявитель сего билета дурак такой-то“... А потом весь паспортный порядок: „Волосы рыжие, ноздря кривая, глаза вывертом“».

– Врет, поди, твой английский немец.

– Ну вот! Он человек вероятственный. Да и отчего же и не быть дурацкой академии? Там ведь народ-то во всю цивилизацию жарят. Все при науке. Столяр в столярной академии курзу доходит, маляр в малярном нитриситете, портной при швальной гимназии состоит, а этой мальчишечьей науки нет, чтобы коли ты портному рукомеслу у мастера учишься, то чтоб по трактирам с утюгами бегать. Там все по книжке...

– И в дураки по книжкам готовят?

– Само собой. Сидит и зубрит, как ему язык выставить, как белками ворочать и нос кривить на сторону. А потом экзаме́н по всем пунктам, трико на голое тело и в цирк ломаться. Да что ж тут удивительного? Ведь у нас есть же театраль-

ное училище, где представлять учат.

– Дурацкая академия! Скажи на милость! – дивился купец. – Анна Спиридоновна, слышишь, в заграничных Европах дурацкие нетриситеты есть, – обратился он к жене.

– Ну, так что же из этого? – откликнулась та. – Вот бы тебя туда послать на переделку, а то уж больно умен стал.

– Цыц! – пригрозил ей купец. – Али забыла, с кем разговариваешь? Смотри! У меня нет этого внимания, что тут цирк, я и при публике с тобой науку начну.

– Знаю твои порядки. Озорник известный.

– Ну, то-то. Так остерегись экзамена-то, а то уж у меня указка чесаться начала.

Купец сжал кулак, прикрыл его полой и показал жене. Серая сибирка остановила купца:

– Оставь, Викул Сергеич. Ну что ты к бабе придираешься? Вишь, она разопрела с жары и сидит нахохлившись. Брось. К человеку вся одежда прилипла, а он ее тревожит. Само собой, женщина в тягости, ну она и надулась, как мышь на крупу.

– Мало ли, что она в тягости, а все-таки ответы надо давать при всей учливости. Потакай ей, потакай, так она и тебя облает. Ну, так как же эти скубенты из дурацкой академии, форму они носят, что ли?

– Само собой, форму. Всякий ученик в форме. Там строгостей-то еще больше наших, – дает ответ серая сибирка.

– Дурацкая одежда – у них форма-то?

– Нет, где же... Дурацкая одежда у них – парадный мундир. Нешто в трике можно по улицам ходить? Сейчас собаки лаять начнут, да еще, чего доброго, за ноги кусать начнут. У них форма средственная: вот как по дворам музыканты с трубами ходят – серые спинжак и зеленая оторочка, а на голове картуз с пуговкой.

– Ну, а когда скубент в дурацкой академии курзу кончит, чином его награждают? – допытывался купец.

– Настоящих чинов у них нет, но глядя по экзамену: дурак первого разбора, второго разбора, третьего, шут первого разбора и все в таком порядке.

– Чудно! – помотал головой купец.

– Зато заграничная Европа. Там каждый человек к своему месту пристроен.

– А вот эти женщины-акробатки, что на канате пляшут, и для них училище есть?

– Коли есть наука, то есть и училище. Акробаток в канатных институтах обламывают и шлифуют.

– Дельно. Коли бы денег не жалко, ей-ей, свою бы бабу на облом и шлифование послал, – снова задирает купец жену. – Пущай бы ее там приятным улыбкам научили.

– Ты опять? Да плюнь ты на нее! – дергает купца за рукав серая сибирка. – И охота это словесности свои тратить! Ты побереги бисер-то свой. Что его зря метать? Завтра покупателя уговаривать пригодится.

– А и то побережь, – соглашается купец и отвертывается

от супруги.

В книжном магазине

В книжный магазин входит пожилой купец очень солидного вида и прямо садится на стул, поставленный около прилавка. Купец очень сильно вздыхает, вынимает из кармана красный фуляровый платок и, сняв шляпу, начинает отирать им лоб. Молчание. Приказчик, упершись руками в прилавок, вопросительно смотрит на него.

– Что будет желательно вам? – раздражается он после некоторой паузы вопросом.

– Постой, погоди, дай передышку-то сделать, – отвечает купец с одышкой. – Что тебе, словно жеребцу застоявшемуся, смирно не стоитя! Уж коли пришел в книжную лавку, так полуторных гвоздей не потребу́ю. Селянки на сковородке также не спрошу. Ах вы, книжники и фарисеи! Недаром же вам и в Писании достается. Покупатель буду немалый.

– Нам очень приятно. Что прикажете?

– Книжек разных, но только книжек читательных, а не для того, чтоб в них балгактерию вписывать.

– Каких прикажете? У нас всякие книги есть.

– Ну вот нам всякие и надо, и больших, и маленьких. Да, главное, чтоб товар был посходнее.

– Вы, верно, из провинции и хотите торговать книгами?

– Ну вот! Стану я торговать такой дрянью! У нас есть товар побарышистее. Мы по подрядной части. Вот коли надо

твоему хозяину дом каменный выстроить, так выстроим. Видел новые бани? Моей кладки.

Приказчик в недоумении.

– Затрудняюсь, что вам предложить, – говорит он.

– А ты не затрудняйся. Мы люди простые. Простому-то человеку способнее разной дряни навалить! Ах ты, недоумок!

– Нет, я к тому, что и большие, и маленькие книги есть разного содержания. Какого бы вам, например, содержания требовалось?

– Да нам, пожалуй, хоть и вовсе без содержания, а только чтоб повиднее да понаряднее. Да и какое в книжке может быть содержание? Это что, с сюрпризом, что ли?

– Нет, не с сюрпризом, а относительно того, что в книжке написано. Есть книги учебные, ученые, справочные, беллетристические.

– Говорю тебе, чтоб только были понаряднее, а что там внутри – на полке-то все равно им стоять. Мы шкаф с зеркальными стеклами купим да туда их и запрем. Давай попестрее.

– Но все-таки иногда и читать будете?

– Где читать! Досуг ли нам! Впрочем, иногда, может быть, дочь и прочтет.

– Значит, вам не для себя, а для дочки?

– Вот пристал-то, словно банный лист! Языком звонит, а товар не показывает. «Для себя»! Сшутил тоже. Ну, зачем

мне самому книги, коли я один цифирь разбираю? Для доч-ки тоже книги незачем, потому это не женское дело. Для сына книги покупаю, для сына, потому сын у меня ученый, и хочу я его на днях из училища взять, так ему в подарок. Отделал ему кабинет, так нужно и шкаф с книгами, а то так-то неловко: кабинет и без книжного шкапа.

– А ваш сын по какой специальности курс кончил?

– Да он вовсе и не кончил курс. Зачем ему кончать? Посидел три годика в Коммерческом училище, ну и будет, поучился. Довольно с него и того, что теперь знает. Нам не звезды с неба хватать.

– Ну, тогда я вам предложу книги беллетристические.

– Как ты сказал?

– Беллетристические.

– Это что же такое будет? Что-то уж очень мудреное. Не зашел бы у него через это самое ум за разум. Это на манер чернокнижия, что ли?

– Нет, романы, повести, рассказы.

– Да с романов-то, говорят, на стену люди лезут. Дай уж лучше что-нибудь другое.

– Тогда можно путешествия... Позвольте, ваш сын к какой специальности склонность чувствует?

– «К специальности склонность чувствует»! – передразнил купец приказчика. – Да за специальную-то я ему душу бы вышиб, коли он к ней склонность чувствовал! Я уж в летах постоянных, а и сам больше одного стаканчика перед ща-

ми специальной-то не пью. Как бы пил, так из остатков чужих построек двух домов себе не построил бы.

Приказчик расхохотался:

– Да я не про специальную водку вас спрашиваю, а про то, к какому он занятию больше стремится?

– Смейся! Смейся! Что дурака-то ломаешь! Ну, чего ты гогочешь? Другой на твоём месте десять раз мне книжки продал бы, а ты бобы разводишь. И за что только тебе хозяин жалованье платит! «К какому он занятию стремится»! Да нешто он может к какому-нибудь занятию стремиться, кроме отцовского? А я тебе русским языком сказал, что я подрядчик по каменной кладке. Ну, и от плотничьего дела не отстаем, штукатуры тоже наши, малярным подрядом тоже не побрезгуем, а по зимам у нас наши молодцы по деревням у крестьян шкуры скупают.

– Тогда не прикажете ли собрать вашему сыну книг, относящихся до построек, да фабрикаций кирпича, ну и до кожанного дела?

– Не... не надо. По ученому-то начнет мастерить, так, пожалуй, хуже будет. Тогда того и гляди, что дело врознь пойдёт. Я без книжки начал, деревянный сокол у меня один в руках был, потом перебрался в десятники, а вот уж теперь два каменных дома имею. Дай ты ему что-ни будь из путешествий. Ты давеча сказал, что у вас есть путешествия. Вот эта-то статья для него ладнее будет. Тут, коли уж и вздумает почитать, так не попортит себя.

Приказчик достает с полок книги и раскладывает их на прилавке.

– Вот, пожалуйста, – предлагает он. – Тут «Год на Севере» Максимова, «Путешествие во внутреннюю Африку», «О том, как я отыскал Ливингстона»...

– Постой, постой! – перебил его купец. – Ну, что ты тараторишь и книги мне в нос тычешь! Что я в них смыслю? Я и гляжу в книгу, да вижу фигу, а ты мне отбери товарцу на свою совесть. Видишь, какое я тебе доверие оказываю!

– Очень вам благодарен за это. Извольте, я вам отберу, но на какую сумму прикажете?

– На какую сумму? Постой, погоди... А ежели на полторы сотни товару взять, то сажени четыре длиннику мы заместим им? Четыре сажени полок – шкафчик выйдет порядочный. Да вот что: давай торговаться иначе, по-нашему, по-строительному. Ты почем с меня за сажень книг возьмешь? Только чтоб книжки были в цветистых переплетах и с позолотой.

Приказчик окончательно разводит руками.

– Так нельзя-с, так книжки не продаются, – произносит он.

– Отчего же не продаются? Товар можно всяким манером покупать, – стоит на своем купец. – Вон гречневая крупа: ее можно и четвериками, и пудами покупать.

– Так ведь книги не крупа. Знаете, что я вам скажу? Так как вы давеча на мою совесть положились, то я, желая оправдать ваше доверие, посоветую вам вот что сделать: захватите

вы с собой своего сынка и пожалуйста к нам в магазин. Пусть уж он лучше сам выберет те книги, которые ему понравятся.

Купец встал и потрепал приказчика по плечу.

– Что дело, то дело, молодец! – сказал он. – Действительно, насчет книжного товара я человек темный. Вот ежели бы кирпич да известка – ну, дело десятое. Так уж я лучше завтра утречком с сыном... Прощай, да води себя хорошенько и соблюдай хозяйские барыши!

Рассыльный мирового судьи

Вечер. Слышится звонок. Кухарка отворяет дверь и впускает в кухню усатую физиономию, напоминающую своим типом отставного солдата.

– Мещанину Антипу Егорову Политанову повестка от мирового судьи, – важно говорит он. – Вызови-ка его для вручения, да пусть распишется.

– Это-то хозяина-то? Ой? Да неужто его к мировому? – восклицает кухарка, простая деревенская баба в сарафане. – Подрался, что ли, с кем?

– Ну, ты тут бобы-то не разводи, а вызови, потому на основании трех статей уголовного судопроизводства вручаем. Верно уж, руки длинные или язык с трезвоном, коли в оскорблении словом и действием обвиняется. Да коли спит, разбуди. Старший, мол, рассыльный от мирового!..

Кухарка приотворила дверь из кухни в комнату и крикнула:

– Хозяин, вас от мирового судьи требуют!

«Наше место свято!» – послышался в комнате женский возглас, какой-то мужской голос крякнул и произнес: «Вот уха-то!» Вслед за этим в кухню вышел хозяин, маленький пожилой человечек со щипаной бородкой и в рваном халате, а в двери выглядывала полная женщина в капоте и двое ковыряющих в носах ребятишек. Хозяин был испуган. Он рас-

терялся и чесал затылок.

– Вы мещанин Антип Егоров Политанов? – гордо спросила его усатая физиономия.

– Я самый и есть-с. А вы от мирового судьи?

– От него самого. Старший рассыльный и даже, можно сказать, поверенное лицо. Извольте получить повестку и потрудитесь быть здорову. Вот здесь расписаться следует.

– Сейчас, сейчас... Ах ты господи! Вот не было печали!.. Да что ж вы в кухне-то? Прошу покорно в горницу. Аксинья Григорьевна, зажги там лампу-то! – обратился хозяин к жене.

Началась суетня. Искали перо и чернильницу. Рассыльный вошел в комнату.

– По уголовному обвинению Четвертинской в оскорблении словом и действием вас тянут, – сказал он.

– Догадываюсь в смекалке-то. Это, верно, та полоумная, что старый спинжак у меня в лавке покупала? Да что ж вы стоите-то? Садитесь, пожалуйста.

– Сядем-с, только вы нас бафрой угостите, а то я, признаться, сигарок с собой не захватил.

– Сделайте одолжение. Мишенька! Вот тебе гривенник, порхай скорей в лавочку за бафрой Миллера. Ах она полоумная! И какое же тут оскорбление действием! Так, смазал слегка по спине.

– Вы насчет полоумства-то не очень... Ведь она полковница... Настоящая полковница, – заметил рассыльный. – Ко-

нечно, муж у ней померши, но все-таки...

– Что вы! Скажите на милость!.. Вот налетел! Покупала это она у меня спинжак подержанный в моей лавке для парнишки. И парнишка с ней – так себе дерево стоеросовое, году по девятнадцатому. Полюбовник он ейный или так, сродственник – черт его знает.

– Вы старым платьем торгуете?

– Точно так-с, на Апраксином. Окромя того, у меня и лоскутное производство есть. Ну-с, чудесно. Стоит эта самая выжига-полковница в лавке и не шьет, не порет. Цену за спинжак прошу настоящую: шесть рублей. А она бряк мне: «В нем, – говорит, – столько же дыр, сколько в твоей сове-сти». Каково это чувствовать? «Ах ты, – говорю, – выжига!» Перевернул ее к порогу, за плечи взял да слегка и погладил по спине. Как перед Истинным! Карандашом можно расписаться? Перо-то у нас с чернильницей куда-то позапропастилось.

– По закону карандашом – дифанация выйдет, ну, да для вас можно сделать послабление.

Хозяин расписался по указанию рассыльного и вздохнул:

– Отродясь не судились, а тут женщина, внимания не стоящая!..

Сзади его слышались всхлипывания. Слезилась жена.

– Куда ж тебя теперь порешат, голубчик Антип Егорович? – спросила она.

– Это, глядя по руководству, сударыня. Тут вся штука, ка-

кой закон подведем, – отвечал рассыльный.

– А маленький закон тоже подвести можно?

– Это уж зависит от нашей камеры, как мы взглянем. Тут все во внутреннем предубеждении судьи.

– А вы взгляните полегче. Ну, стоит ли из-за шкуры! Ведь он человек семейный...

– Тише ты, Аксинья! Держи язык за зубами! Слышала, что сказали? Настоящая полковница она.

– Не совсем настоящая, но все-таки на линии... – поправил рассыльный.

– На линии полковницы, а любовнику подержанный спинжак покупает на Апраксином!

– Аксинья, уймись! Долго ли до греха! Вот их благородие слушает, слушает, да и занесет в протокол. Вы, господин доверенный рассыльный, водочки не хотите ли? Отличная рябиновая...

Рассыльный замаялся.

– Как вам сказать?.. Ежели рябиновая, то, пожалуй, на скору руку... Признаться сказать, у меня еще есть тут три уголовных обвинения, чтобы вручить... Ну да подождут! – отвечал он.

– Аксинья Григорьевна! Чем рюмить-то, скомандуй-ка водочки да очисти селедку! – приказал жене хозяин.

– Тогда уж вы и огурчиков, – прибавил рассыльный. – А мы тем временем вам юридический совет дадим, – обратился он к хозяину.

– Сделайте одолжение, потому, откровенно сказать, люди темные, да и не судились, а вы все-таки человек сведующий.

– Да, второе трехлетие при камере. Иногда ведь и сам со мной советуется. По гражданской-то части он у нас еще туда-сюда, а по уголовной слаб... Только вы без утайки... Где вы ее смазали: в лавке, на пороге лавки или на линии?

– Да не смазал-с, а только погладил...

– Все равно, но это очень важно, потому в публичном месте оскорбление или не в публичном...

– Забыл, где, но визжала она на линии, и публики никакой, кроме лавочного мальчишки. Да и какое оскорбление? «Ах ты, – говорю, – выжига!» А потом за плечи и смазал... Ну, помял слегка ей шляпку, каюсь. Пожалуйста водочки-то... – указал хозяин на принесенный графин и закуску.

Рассыльный чокнулся с хозяином, выпил и прожевал огурец.

– В пьяном образе совершено действие помятия шляпки? – спросил он наконец.

– Яко голубица был трезв. В тот день маковой росинки не было. Чай хлебывал, стаканов шесть чаю выпил.

– Не признавайтесь.

– То есть это вы в трезвости-то?

– Ни в чем не признавайтесь, а главное дело в шляпке. «Знать, мол, не знаю, народу шляющегося к нам много ходит». Уперся на своем и стой.

– По второй пожалуйста!

– Выпью. Ваше здоровье! И такие слова, что, дескать, «первый раз в глаза вижу». «Плюнь, мол, она мне в лицо, и то не признаю». Ведь протокола не было?

– Какой протокол! Завизжала, когда я ей хвост-то прищепил, убежала и уж не показывалась.

– И в ущемлении хвоста не признавайтесь. А как в камеру придете – сейчас прежде всего ко мне. Я тут при вешалках буду и научу, как действовать. На всякий случай даже у настоящего адвоката со значком спрошу. Есть какое-то ловкое кассационное решение, так его и припустим.

– Премного вам благодарен. Еще по рюмочке?..

Хозяин обнял рассыльного и поцеловал.

– За ваше освобождение! Будьте здоровы! Мы еще супротив ее в недобросовестном обвинении иск начнем.

Через полчаса хозяин провожал рассыльного и светил ему на лестнице.

– Так не сознаваться? – спросил он еще раз.

– Ни в жизнь! Не признавайтесь! – отвечал заплетающимся языком рассыльный.

Новый фонтан

В Александровском саду открыт и пущен новый фонтан. Вода бьет из трубок и образует из себя затейливую фигуру. Проходящие по саду останавливаются и любуются на новинку. Образовалась толпа и, само собой, стоит не безмолвно. Идут толки, рассуждения.

– Это значит, на манер как бы во святом Иерусалиме, – говорит старик-сборщик на церковь, с книжкой в руках и без шапки. – Там тоже большущий фонтан.

– А ты бывал в Иерусалиме-то? – спрашивает его разжиревший синий кафтан, держа руки на выпялившемся животе, – не то барский кучер, не то десятник.

– В настоящем Иерусалиме мы, голубчик, не бывали, но в Новом Иерусалиме, что за Москвой, трафилось. Там тоже великое благолепие.

– Так не доходили до настоящего-то Иерусалима?

– Не доходили. Шестнадцать с половиной верст не доходили, и то потому, что песья муха на нас напала. А в Соловецкой обители были и в киевских пещерах сподобились... Там, в Иерусалиме, мерблюдов из такого фонтана поят, так как без мерблюда туда и попасть невозможно. Все путники на мерблюдах, и араб вожжами правит.

– На гаде-то бы, кажись, не подобало въезжать православному человеку в такое место.

– А чем же мерблюд – гад? Такая же животность... Вот ежели бы он был чревом по земле ползущий, а то четвероногая тварь.

– Ну, все-таки конь ненастоящий. Лошадь – другое дело... Ее вон Егорьев день даже святой водой окропляют. А то вдруг мерблюд!..

– Да ведь неверные турки к сему принуждают. Они вон нарочно и арапа кучером посадили.

– Значит, там фонтал для мерблюда построен?

– Для него. Мерблюд – скот избалованный и из ничего, кроме из источника или из фонтала, пить не может. У него шея к руке не сгибается.

– Скажи на милость, какой барин!

К разговору прислушивается полотер со щеткой под мышкой и ведром мастики.

– И есть о чем разговаривать! – вставляет он свое слово. – Таперича какая же разница: там для мерблюда фонтал, а здесь для проходящих, чтоб украшение города...

– Ну, и для удовлетворения публики, – поясняет новый полушубок, из-под которого выглядывает передник.

– Какое же может быть в фонтале удовлетворение?

– А вот сейчас замарал сапоги в грязи – подошел, зачерпнул горсткой воды и помыл. Опять, которые ежели желающие могут и попить. А то беги в мелочную лавку и на копейку квасу... Зачем такое подобострастие торговцу? Копейка на иное пригодится.

– А затем, милый человек, что торговец подати городу платит. Семь шкур с него сходит. На его деньги фон-тал-то построен, а ты ему копейку пожертвовать жалеешь, – замечает купец в длинном сюртуке.

– Мы и не жалеем, а только к слову... Да что ты торговца-то защищаешь? Торговец свое завсегда возьмет. Квасу у него меньше брать будет, так он на треске на нас насядет.

– Струве, поди, фонтал-то строил? – спрашивает кто-то.

– Отчего же Струве? Может, кто и другой.

– А оттого, что он сих дел мастер. Как вода – сейчас его и припускают. Он – мост, он – и фонтал... Так уж все и знают, что он водяной строитель и от воды кормится. Ну, а здесь кормежка была немалая, – говорит полушубок. – Мы по штукатурной части, так тоже по постройке кой-что смыслим.

– Ну вот! Станет Струве на фонтал срамиться, коли у него вся Нева была под рукой.

– Срамиться тут нечего. Ведь ты вот и осетра ешь, а попадись тебе снеток – и его слопаешь, так какой же срам?

– И зимой этот фонтал бить будет? – спрашивает какая-то старушка в полинялом салопе.

– И зимой, тетенька. Уж ежели пустили, то каждый день будет играть.

– А как же при морозах? Ведь вода будет замерзать?

– Ничего не значит. Зимой он льдом будет бить, а то так, вместо воды снег пустят.

– Ведь это снизу воду-то напирает?

– Снизу. Там машина устроена, она и прет наружу. Теперь, пока не все устроено, потому голые трубки, а вот тут на трубах-то будут нимфы карякой насажены, и начнут они изо рта фонталы испускать, потом змей припустят, чтоб они тоже воду из себя извергали.

– Ну, тогда православные люди и пить не будут, – говорит полотер.

– Отчего же? Ведь тут только патрет змеиный. Вот ежели бы живая змея воду выпускала... – отвечает штукатур.

– Все-таки неловко. Опять же, нимфа... знаешь ли ты, что такое нимфа?

– Как не знать. Нешто мало мы ейной-то сестры, по нашему штукатурному делу, на фронтоны-то сажали? Нимфа – это женское оголение во всем составе.

– Верно. Только какой в ней механизм мы должны чувствовать?

– Патретное украшение здания и больше ничего.

– Нет, врешь. Нимфа – вавилонская блудница, из-за которой град в Мертвое море провалился. Она, подлая, столько христиан сгубила, а мы из ее гортани воду будем пить? Шалишь!

– Так что ж из этого? На воду во всяком месте разрешение. В реках, вон, пададь плавает, однако мы из них воду пьем и поганства не чувствуем.

– А утопиться в таком фонтале можно? – ни с того ни с сего спрашивает кто-то.

– Мелко, не утопишься.

– Однако в «Молодцовском клубе» фонтал еще того мельче, а там один купец утонул, – замечает сибирка.

– Так ведь то купец. Купцу во всем счастье. Иной, пожалуй, и в ложке утонет.

В толпе хохот. Сибирка обижается:

– Зачем же такая мораль на купца?

– Как зачем? Купец живет грешно и умрет смешно. Ведь вот в «Молодцовском клубе» в фонтале утонул не мастеровой человек, а купец же.

– Дубина! Туда мастерового-то человека не впустят, так как же ему утонуть.

– Уж и не впустят! Накинь на себя одежду хорошую да покажи рубль – вот те и впуск.

– Орясина! Да где ты рубль-то возьмешь, коли ты, может, щи лаптем хлебаешь.

– Тьфу! Ну чего ты ругаешься? И разговаривать-то с тобой не стоит. И какой разговор завел! Об утоплении. Да мне-то что? Нравится тебе топиться в фонтале, ну и топись!

Мастеровой еще раз плюнул и пошел своей дорогой.

Купчиха и кучер

В спальней на диване сидит вдова-купчиха. На вид – глыба тела. Лицо заплыло жиром. Зубы подвязаны носовым платком. Из-за платка торчит вата. Уши заткнуты морским канатом. На плечи накинута заячья душегрейка. Перед купчихой ведерный самовар; около купчихи две старухи в черных суконных платках. В комнате жарко и душно, пахнет деревянным маслом, бабковой мазью. Все сидят и преют. Входит полная и румяная девушка в ситцевом сарафане и с лентой в косе.

– Кучер, тетенька, найматься пришел, – докладывает девушка.

– Кучер, ах ты господи! Сюда его звать-то, что ли? – заклохтала купчиха. – Где ж мне на крыльцо или в кухню к нему выходить! Ноги – словно тумбы тротуарные, сама – словно тыква. Тронешься с места, а опять и занает что-нибудь. Уж так я рада-то, что у меня всякая боль застыла.

– Конечно, позовите его, матушка, сюда. Что вам себя тревожить, – заговорили старухи.

– А вдруг это взаместо кучера-то мазурик?

– Да ведь братец ваш со своей камердацией его прислал, так какой же мазурик.

– Ну, на брата тоже положиться, так трех дней не проживешь. Он эфиоп известный и как во хмелю, то все с на-

смешками. Просила я это у него летось канарейку купить, а он мне лягушку в клетке прислал. Загадать разве на картах: мазурик это или кучер?

– Не стоит, тетенька. На вид он мужчина совсем обстоятельный, – сказала девушка. – Да чего вы боитесь? Велите позвать.

– Боюсь я, как бы не стал он высматривать, где у меня билеты лежат. Высмотрит да и схватит нас за горло. Что мы тогда поделаем? Мы женщины сырые.

– Не посмеет. Его дворник Никита привел и стоит вместе с ним в кухне. Коли ежели что – сейчас можно дворника кликнуть.

– Ну, зови. Да дворнику-то скажи, чтоб он не выходил из кухни.

Вошел кучер в серой нанковой поддевке – здоровенный мужчина с окладистой бородой и с серьгой в ухе.

– Желаем здравствовать-с! В кучера к вашей милости начинаться пришел, – сказал он.

Купчиха смотрела на него подозрительно.

– Да ты не татарин? – задала она ему вопрос.

– Боже избави! Что вы, помилуйте! Мы даже самые настоящие христиане, потому к старикам на кладбище ходим. Я в Москве в одной моленной кадило подавал. Таперича заставь нас на шестой глас «Пойте Господеви, пойте» пропеть – в лучшем виде.

– А что ж ты вошел и на икону не перекрестился?

– Да в тех горницах крестился. Извольте, коли вам желательно. Вон какой крест-то! – показал кучер. – Настоящее перстосложение, а не щепоть.

– Ну, это хорошо, что ты в нашей вере. Кто же тебя прислал-то?

– Братец ваш Иван Пантелеич и деверь Анисим Калиныч.

– Вот это хорошо, что деверь, а то братец у меня – человек невероятный.

– Известно, юность свою производят, а войдут в года постоянные, так такая же битка будет, как и Анисим Калиныч. Теперь у них малодушие к безумству, а там малодушие к капиталу начнется.

– Так вот мне кучера надо. Лошадей у меня еще пока нет, но деверь обещался купить. Как тебя звать-то?

– Захаром-с. На Захария и Елизавету празднуем. А что до лошадей, то это наплевать. Были бы деньги, а лошади найдутся. У барышника Бычка два такие коня продаются, что хоть сейчас под генеральшу, а не токмо что под купчиху. Насчет этого будьте покойны.

– Ну, то-то. И лошадей мне по-настоящему не надо, но, главное, из-за кучера, чтобы мужчина был в доме. А то дом у нас совсем женский. Живем особняком, два дворника у ворот, когда их сюда докличешься? А сзади дома сад. Перелезет лихой человек с задов через забор – ну, что мы, сырые женщины, подделаем? Так больше для подозрения кучера нанимаю, чтоб от пронзительного человека берег.

– Это действительно. А уж на меня положитесь. Деверь ваш, Анисим Калиныч, так и сказал: «Своего к своим посылаю, у своих при одной вере лучше уживешься». Я и кафизму отмахую, ежели когда случится.

– Ну, этого не надо. У меня псалтырь вон старицы читают, – сказала купчиха и кивнула на старух. – Так уж ты, Захарушка, так в кухне и сиди, чтобы нас караулить.

– На счет сиденья будьте покойны. Езды не много будет?

– Какая езда! Разве только по субботам в баню. Бывает, что в месяц раза два на кладбище к старикам ездим, к духовникам то есть нашим. Насчет кулака-то ты, голубчик, здоров?

– Насчет кулака постоим-с. Во! – похвастался кучер и показал кулак. – Живой не уйдет.

– Вот и бесподобно. Сиди в кухне либо спи. Пища у нас хорошая. Хоть целый день зобли – запрету нет.

У меня старухи вон, походя гречневую крупу жуют. По постам к чаю мед... Чай четыре раза в день. Ты женатый?

– Вдовый-с.

– Вот это нехорошо, потому у меня две племянницы из деревни взяты, чтоб замуж отдать, по здешнему месту за каких-нибудь приказчиков. Ну и сама я богоспасаемая вдова. Зазорно будет со вдовым-то кучером.

– В этом будьте покойны. На ваших племянниц и на вас и внимания не обратим. Солидарность всегда при нас будет. Давно уж мы заклятие дали, чтобы не связываться.

– Нет, я к тому, что для постороннего-то ока соблазн. Скажут: вдовец в женском курятнике завязался. Да и к тому же девки-то у меня – огонь. В одно ухо вдень, в другое вынь.

– Что вы, тетенька, как нас конфузите! – фыркнула стоявшая у дверной притолки племянница и закрылась рукавом сарафана.

– А мы вот что: мы с первого же дня ругаться промеж себя начнем, – предложил кучер.

– Содом и Гоморра выйдет. Нет, это не модель. У нас дом тихий, так зачем же столпотворение вавилонское?

– Обойдется без столпотворения. Мы только при посторонних людях.

– Нет, уж ты поворачивай оглобли. Мне нужно человека женатого, чтобы и жена вместе с ним.

– Да ведь жениться – дело плевое. Взял да и женился. Коли жалованья от вас будет хорошее, так отчего же...

– Жалованье у нас пятнадцать рублей, а только ты спервоначала женись, а потом и приходи. А то до женитьбы-то ты как здесь набедокурить можешь! Ведь это все равно что козел в огороде, а женскую слабость сам знаешь.

– Пусть открешиваются, коли так... А про себя скажу, так я и не таковых баб на своем веку видывал, мне женский человек не в диво. Да я вам вот что скажу: у вас и польститься-то бабьему охотнику не на что.

– Врешь, врешь! Мои девки – кровь с молоком, и это ты так только теперь говоришь. Да главное-то: для чужого гла-

зу нехорошо. Нет, уж ты повараживай оглобли! – закончила купчиха и замахала руками.

– И поворочу... Что лаешься да как ветряная мельница крыльями машешь! – огрызнулся кучер и стал уходить. – Хозяйка! Десять целковых вместо пятнадцати возьму! Место-то уж мне очень понравилось, да и работа на руку! – раздался его голос из другой комнаты.

– Сгинь, пропади, окаянный!

– Так пусть же тебя сегодня ночью мазурики обворуют! – хлопнул дверью кучер.

– Ох, ох! Что он сказал! – застонала купчиха и упала на диван.

Старухи со всех ног бросились к ней.

По первому снегу

Только что выпал первый снег. Воскресный вечер. Из ворот одного из домов на Разъезжей улице вышли купец в ено-те и купчиха в лисьем крытом сатантюрком салопе. Купец пропустил жену вперед, и они поплелись гуськом по тротуару.

– Ах, как ты, Пелагея Вавиловна, обсиделась дома-то, – говорит купец, смотря ей вслед. – Даже ниже ростом от этого самого стала. Видно, у тебя все суставы осели. Шутка ли: две недели за форточку даже не выглядывавши. Делай скорей ножной променаж на манер маршировки.

– Уж и две недели! – откликается купчиха. – Выдумаете тоже! Повзапрошлую субботу в баню ходила.

– Так опять-таки: повзапрошлую субботу. Разминай, разминай суставы-то, чтоб к земле не расти. Действуй ножным инструментом! Поди, у тебя все гайки-то даже заржавели и винты плохо действуют. Раз-два! Раз-два! Правой, левой! – командует купец. – Ну, что ж ты стала?

– Да не могу, Тихон Игнатьич. Надела новые сапоги, а они по снегу и разъезжаются.

– Ну, хоть до извозчика на всех парах действуй.

Купчиха зашагала и упала.

– Нет, тебя совсем к земле тянет, – порешил купец, поднимая ее, и повел за руку.

На углу стоял извозчик в санях.

– Обнови, купец, первопутку-то! – крикнул он.

– Затем и вышли. Коли недорого возьмешь – вези, – откликнулся купец.

– Под орган куда-нибудь, в трактир, чайку поклевать пусть он нас свезет, – откликнулась купчиха.

– Что тут под орган! Под орган успеем. Надо, чтобы воздушком тебя спервоначалу пообдуло. А то долго ли до греха? Пожалуй, и моль тебя съест.

– Коли ежели вы выколачиваете, то никогда не съест, – пошутила купчиха.

– Так куда же, ваше степенство? – приставал извозчик.

– Постой, погоди, дай мозгами-то раскинуть. Вдруг не придумаешь. Ну вот что: свези ты нас на новый мост, а оттелева в «Палкин», под орган, что ли. Сразу четырех бобров уьем: первопутку обновим, мост посмотрим, лектрическое освещение поглядим и чайку с органами колоколами попьем. Ну?

– Три четвертачка положите.

– Да ты крестил ли лоб-то сегодня? Три четвертачка! Полтину ежели тебе прожертвовать, так и то офицерская ряда.

– Ну, садитесь, – откинул полость извозчик. – Эх, купец! Ведь первопутку-то нам Бог только раз в год дает.

– Постой, прежде всего, широки ли санки? А то, пожалуй, не усядешься. У меня в сиденьи три четверти, да у жены то же самое, а ведь вместе-то шесть четвертей будет.

– Санки широкие. Других таких и не найти. Смело садитесь!

Купец и купчиха сели и поехали.

– Важно! – восхищался купец. – Дыши, Пелагея Вавиловна, набирай воздуха-то да и глотай. Ну, что ты дух запираешь? Я тебя проветрить повез, а ты... Ах, леденец те в горло!

– Зачем же вы ругаетесь, Тихон Игнатьич. Лучше с бле-зиром ехать.

– А затем, что ты дышать боишься. Разевай рот-то шире да и вдыхивай. Зимой мух нет, в рот не влетят.

– Да уж шире я не могу. У меня рот маленький.

– Врешь, врешь! Коли до пряника дело дойдет, так какой угодно запихаешь, а тут рот мал.

– Извольте, для вас я выкажу свое согласие, только ведь поперхнуться можно.

– Ничего, мы с извозчиком в загорбок поколотим, коли поперхнешься.

– Ну вот я и вздохнула. Теперь даже под сердце струя прошла. Довольны вы? – спросила купчиха и сделала паузу. – Тихон Игнатьич, отчего это так полозья у саней зудят?

– Летний путь с зимним борется, сударыня, – отвечал извозчик. – Зимний прошел, а летний его не допускает – вот и скрежет по камню.

– Тихон Игнатьич, а не опасно на новом мосту-то? Не провалимся мы?

– Ну вот! Зачем же провалиться, коли проба была. Сам

городской голова пробовал.

– Да он грузен ли, голова-то? Может, так себе, тоненький да маленький.

– Недоумок! Да ведь он гирями пробовал. Потом транспорт с камнями пустили.

– Ну, то-то. А то ведь в нас двоих двенадцать пудов, да ежели еще санки да извозчика прихватить...

– Вихлянскую чугунок намерены по мосту-то пущать, так как же ты в трех человеках с лошадыю сумлеваешься? Дыши, Пелагея Вавиловна, дыши! Не забывай, для чего я полтину серебра прожертвовал. А то что ж это за променаж без дыхания? Видала, как в Зоологии тигра рот разевает? Вот и ты так разевай.

– А новое-то освещение на мосту не опасно? Не лопнет оно?

– Зачем же ему лопаться? Видала в саду «Ливадия» фонари? Так вот одна и та же аллегория, только на мосту столбы понадежнее.

– Два полковника мост-то строили, так зачем же ему проваливаться и лопаться? – успокаивал купчиху извозчик. – Один полковник штатский, а другой военный.

– Кто же штатский-то полковник? – спросил купец.

– А Яблочкин этот самый. На нем штатский полковнический чин. Он, сказывают, в заграничной земле и в штатской войне воевал. Там повоевал, а сюда на мост фонари приехал ставить. Вот, сударь, говорят, ведь из простых мужиков он,

этот самый Яблочкин-то; на газовом заводе близь Новой канавы работал, и вдруг ему в ночи видение: иди и жги новый газ, а вот тебе и все снадобья, из чего его делать. Ну, за этот электрический газ сейчас его в штатские полковники...

Въехали на мост.

– Дыши, Пелагея Вавиловна. Накачивай вовсю!

– Дышу, дышу. Так это мост-то хваленый! – воскликнула купчиха. – А я думала...

– Ну, что думала? Думала, что он из бархату с золотом?

– Да он совсем как Николаевский, так что ж тут удивительного!

– А ты, верно, хотела бы, чтоб на нем шарманки играли и облизьяны прыгали?

– Да уж разговоров-то много было.

– Разговор дела не портит. Ну, извозчик, вези обратно. Да с горки-то скати нас с градом. Тут дорога легкая. Держись, Пелагея Вавиловна! А главное – дыши поспособней. Раздувай мехи-то, не бойся, теперь уж и трактирная пристань недалеко. Там чайком запьешь.

– Васька! Услужи купцам и прокати их во все удовольствие, а они мне за это на шкалик прожертвуют, чтоб первопутку спрыснуть! – крикнул извозчик и стегнул лошадь кнутом.

Санки быстро помчались с горы моста.

Общество для покровительства детям

В Александровском рынке на пороге одной из лавок с готовым мужским и женским платьем купец учил уму-разуму своего лавочного мальчишку. Сбив с него шапку и вцепившись ему в вихры, он показывал, «как белье полощут». Мальчишка выл, а стоявший против лавки разносчик с лотком яблок, смотря на эту сцену, приговаривал:

– Прибавь, прибавь и от меня ему на пряники. Он даве у меня, чуть только я отвернулся, яблоко с лотка спер.

Публичное учение мальчишек уму-разуму – происшествие для рынка, в сущности, очень обыкновенное, но на этот раз к купцу-учителю подошел сосед по лавке и шепнул:

– Доримедонт Федосеич, удержи граблюхи-то свои, а то, не ровен час, пройдет мимо член общества покровительства да и притянет тебя за жестокое обращение.

– За жестокое обращение! – отвечал купец, отряхая руки от приставших к ним волос. – Да что ж он, скот, что ли, что за него покровительственное общество будет заступаться? Вот ежели бы он был лошадь...

– Я не про скотское покровительство говорю, а теперь особое общество для покровительства детям. Так же притянут на цугундер, как и за скота, а потом либо штрафом доймают,

либо изволь на казенные хлеба садиться.

Купец недоверчиво посмотрел на соседа.

– Мели, Емеля, твоя неделя! – сказал он.

– Что мне молоть! Я дело говорю. На, смотри, – возразил сосед и, вытащив из кармана газету, таинственно показал ему. – Да вот что, – прибавил он, – пойдем-ка в трактир. Обширно потолковать нужно по сему случаю.

– От трактира никогда не отказываются, а только что ж там такое у тебя за симпатия?..

Вместо ответа, сосед подмигнул глазом и сделал знак, чтоб он за ним следовал.

Пришли в трактир и забрались в самую дальнюю каморку. Сосед плотно притворил дверь.

– Фу, как сердце-то играет, словно овечий хвост! – проговорил купец. – Да говори, что у тебя там стряслось? Видно, опять напасть какая?

– Пожалуй, что и напасть. Возьми и прочти.

Сосед положил на стол газету. В ней было отчеркнуто карандашом известие об открывающемся обществе покровительства детям. Купец прочел.

– Делать-то нечего – вот и затевают механику, – сказал он. – Только что ж ты мне насчет Федюшки-то глаза колешь: нешто он дитя? На него вон кухарка жалуется, что он ей проходу не дает и все заигрывает. Хорошо дитя!

– Там эту самую механику не докажешь, а несовершенно-летняя тварь – ну, значит, дитя. Да дело не в том, а какова

музыка! У тебя шесть штук лавочных мальчишек и у меня пяток, у тебя мастерская для дамских готовых вещей с девчонками-ученицами и у меня то же самое. Ведь теперь покровительственные-то члены по квартирам шлаться начнут да будут вынюхивать, каким манером ребятишек колотишь, каким инструментом, какая пища и одежда, как спят и есть ли постели... Понял?

– Так неужто мальчонку с девчонкой и потеревить нельзя?

– Теревить можно, только на все на это у покровительства будут свои правила. Лошадь, к примеру, дозволяется кнутом, а что насчет того, ежели закруткой пройти или поленом – ни боже мой; то же снисхождение и для ребятишек. Ты чем дома с ними воюешь? Каким инструментом?

– Да больше аршином, но постоянного инструмента у меня нет, а что под руку попадет. У жены же наперсток в темя идет, а подчас и скалкой.

– А у покровительства правила будут: ухвати ребенка за ухо и, ущемив его промеж колен, стегай прутом либо веревкой. Да главное-то – пища и одежда. Ведь придется, пожалуй, шубы покупать ребятишкам-то. У тебя вповалку спят?

– Неужто ж им еще двухспальные кровати с музыкой покупать?!

– Ну, вот и за спанье вповалку ответим. Придут члены обозрение делать – притянут.

– Придут, так порядок известный: десять рублей помирил и пятнадцать в гору...

– Да, может, графы и князья покровительственными-то членами будут, так подмазку-то и не возьмут. А я думаю вот что: не записаться ли нам самим в члены покровительства-то ребят? Сунул им в общество красненькую десятку – да и прав. Неужто своего члена ревизовать станут? А там, внесши свою лепту, и воюй на свободе чем знаешь: скалкой так скалкой, аршином так аршином, а то и сапожной колодкой. Окромя того, почет: член покровительства. На заседании, пожалуй, и с генералом придется рядом сидеть.

– А медального награждения не будет? – спросил купец.

– Почем знать, может быть, и будет. Да пойми ты, дура с печи, что вся штука в том, что на десятирублевке отъехал, да и шабаш! Ведь коли всем ребятишкам шубенки понаделать, то и двумя радужными не угнешь.

Купец зажмурился и покачал головой.

– Голова ты, Савелий Егорыч, и голова с большими мозгами! – проговорил он, махнув рукой. – Руку!

– Чего руку? Значит, в члены?..

– Самого что ни на есть взъерепенистого покровительства запишемся! Одно вот только, что на пороге лавки мальчишек учить нельзя.

– Да зачем тебе порог? Оттащил его в заднюю галдарею да и лупи втихомолку сколько влезет. Зачем при публике? Рынок – не Лобное место.

– А ежели я, к примеру, своего собственного савраса сграбастаю? Неужто и ему покровительство?

– И ему то же самое.

– Вот так уха! Значит, и свое собственное дитя теревить нельзя. А ежели мой взрослый младенец выручку охлащивает и к мамзелям тащит?

– Предоставь его в руки полицейской администрации, и пусть с него у мирового судьи семь шкур сдерут.

– Значит, и жену по нынешним временам учить нельзя?

– Жена – не дитя. Ту дуй пока, сколько влезет. Впрочем, чего доброго, пожалуй, и эту эмансипацию у нас скоро отнимут и заведут общество покровительства женам.

– Не заведут. Где же видано это, чтоб бабам потачку давать? Баба – последний сорт.

– Так в покровительство-то детям запишешься, что ли? – спросил сосед.

– Еще бы не записаться! Расчет прямой. По десятке внесем и запишем так, что будто нам на эти деньги полушубок в стукалку вычистили.

– Стало быть, теперь за наше членство выпить спрыски надо.

– От спрысок никогда не отказываются. Зачем утробе сохнуть? Ее надо промачивать. Молодец! Тащи сюда графинчик с бальзанчиком!

Через пять минут купцы чокались рюмками.

На молочной выставке

Гремит военный оркестр. Расставлены кадки с маслом, лежит сыр, в витринах за стеклами виднеются также в форме отшлифованных кубиков куски масла, но ни молока, ни творогу со сметаной не видать. На выставленных предметах картонки с немецкими фамилиями.

Проходит мать с нарядным мальчиком.

– Мама, какая же это молочная выставка, ежели на ней молока нет!

– Откуда же его взять, душенька? Вот ежели бы здесь были коровы выставлены, тогда было бы и молоко. А то ведь это не коровья выставка.

Две пожилые женщины, очень просто одетые. На головах – ковровые платки, в руках – носовые платочки, свернутые в трубочку.

– Вот говорили: «Сходи, сходи, посмотри по своему ремеслу выставку», а что тут смотреть? Шутка ли, тоже с Охты перли семь верст киселя есть! – бормочет одна из них.

– Я говорила, что не стоит. Вот теперь, за вход-то зря заплативши, все равно что по фунту кофию в собаку и кинули, – откликается другая.

– А вы думали, что здесь медведя ученого водить будут? – связывается в разговор купец. – Ведь тут выставка не для простонародья, а для господ. Ваше какое ремесло?

– Молочницы мы, коров на Охте держим.

– А, охтянки! Ну, здесь для вашей сестры блезиру не будет. Коли хотите еще по двугривенному растопить, то вон в том отделении сыр и масло пробовать можете. Молодец вам отворотит по кусочку и цену скажет.

– И этого вон можно масла попробовать, что в кадке?

– Ни боже мой! Нешто можно красу ворошить! Там для пробы особенно есть, а это только для просмотра.

– Так какое же тут просмотрение, коли я даже разреза масла не вижу. Почем знать, что там внутри-то. Сверху-то тоже можно замазать и хорошим маслом, а в нутро всякую дрянь положить. Механику-то мы знаем.

– Дрянь! Тут даже, может статья, внутри кадки и дряни-то нет, а одна пустота и только сверху на доску намазан здоровый букиврот пальца в два – вот и вся музыка. Ведь тут не лавка, а выставка. Ходи себе да любуйся.

– Больно уж жирно за одно любование деньги платить.

– Не за одно любование. Музыку слушать, за те же деньги вон на тех весах себя свесить можешь, а домой придешь и похвастайся мужу: вот, мол, у тебя какая женато – пятипудовая!

– Да во мне пяти пудов нет.

– Шали больше! С привеском будет. Идет парей на три гривенника, что с привеском? Ну, пойдем, я тебя прикину. Выиграешь, так ведь окупишь, что сюда за вход заплатила.

– Так ведь вешаться-то в одеже надо, а на мне шуба с ват-

ной юбкой полпуда потянет.

— А ты нешто хотела бы, чтоб тебя нагишом вешали? Здесь не баня. Здесь за этот манер сейчас за ушко да и на солнышко. «Комензи, мол, мадам, в желтый дом».

— Фу ты, срамник, что выдумает! — плюет охтянка. — Да я на сто рублей внимания не обращаю, чтоб без одежды... У меня тоже муж есть и единоутробные дети. Дочку вот ноне за столяра выдала.

— Твое при твоём и останется. Ну, пойдем к весам-то. Так уж и быть, десять фунтов тебе на одежду скину! Где наше не пропадало! — машет рукой купец. — Мне главное, чтоб жене дома загадку загадать: «Что, мол, я на выставке делал?» Она это сейчас начнет мозгами шевелить, и то и се придумывать, а ей в ответ: «Бабу на весах вешал». Довольно уж нам по нашему лабазному делу около весов возиться, пора и за человечину приняться. И удивлю же я свою законную на каменном фундаменте! — весело крутит головой купец и хохочет.

— Да ты, может быть, с насмешкой? — спрашивает она. — Свесишь, а потом с меня за провес и велишь деньги требовать.

— Ну вот! Здесь вешают всех даром. А коли в тебе меньше пяти пудов тянет, еще тебе же три гривенника на кофий пожертвую. Купеческое слово — не вру.

— Да какая же тебе-то корысть?

— Просто благородным манером побезобразничать хочу. Все-таки развлечение. А то вот час битый по выставке хожу в

тоске и инда скулы разорвал, зевавши. Накачивал в себя эту самую веселость в буфете вливать – с семи рюмок рябиновой даже не разобрало.

– Мавра Тимофеевна, да свеситься мне, что ли, уж?.. – спрашивает свою товарку охтянка.

– Конечно, свешайся! – подзадоривает ее купец. – Три гривенника ведь тебе ни пито, ни едено наваливаю, а от навала люди разживаются.

– Постой, пускай вон лучше Мавра Тимофеевна порешит.

– Да свесься, потешь купца. Ну, что тебе? Ведь убытка не будет.

– Какой убыток! С барышом домой вернешься. Ну, пойдем!

Охтянки и купец подходят к весам, над которыми висит надпись: «Здесь каждый желающий может получить свой собственный вес бесплатно».

– Ну, вот видишь, твой собственный вес при тебе и останется, – указывает купец на надпись и, обратясь к стоящему у весов немцу, спрашивает: – Можно, господин немец, бабу свесить? Занятно мне, сколько в ней весу будет.

– Сделайте одолжение, – отвечает тот.

– Ну, мадам, становись на платформу.

Охтянка пятится.

– Да, говорят, через это люди сохнут. Свесишься, пожалуй, да и начнешь изводиться.

– Полно, усышки большой не будет. Да и куда тебе те-

ло-то? Ведь не на продажу.

– Мавра Тимофевна, уж вешаться ли мне? – снова колеблется охтянка.

– Что? Теперь на попятный? Нет уж, назвалась груздем, так полезай в кузов! – тащит ее за руку купец. – Шалишь! Уж коли я сторговал, то от своего не отступлюсь.

– Да ну тебя! Что пристал, словно банный лист! – отбивается охтянка. – Отродясь не вешалась, а тут вдруг вешайся для него. Свесись, да и умрешь еще, пожалуй...

– А ты думаешь аридовы веки прожить? Ах ты, мякина, мякина! Ну ладно, я сам свешаюсь. Я вот смерти не боюсь. Вешай меня, господин немец!

Купец вскочил на платформу.

– Само собою, коли ежели кто наливши глаза, то не страшно... – говорит охтянка.

– Наливши глаза! А нешто ты мне их наливала? Видал ли я от тебя поднесенье-то? Выдержат ли только меня весы-то, господин немец?

– Воз сена выдержат! Шесть пудов и три фунта! – возглашает немец.

– Постой, я дух запру. Может, еще больше будет! Ну? Шесть пудов три фунта!

В собравшейся уже около весов толпе хохот.

Лошадиный налог

– Извозчик! В Гостиный Двор пятиалтынный.

– Четвертак, ваше высокоблагородие, положьте.

– Пятиалтынный. Какие ноне четвертаки! За четвертак-то надо у менялы сорок копеек заплатить.

– За двугривенный садитесь. Прибавьте, сударь, хоть на лошадиную-то подушную.

Седок сел.

– Далеко ли тут до Гостиного-то, всего два шага, а ты двугривенный ломишь, – сказал он.

– Теперь нельзя, сударь, без этого. Вон животину-то в Думе с человеком сравняли и двенадцать рублей за нее требуют. Где ж коню такие деньги взять? Ведь за нее извозчик платись, ну и обязаны мы господский карман тревожить. Ну, ты, двенадцатирублевая шкура! – крикнул на лошадь извозчик и стегнул лошадь кнутом.

– Отчего это она у тебя вскачь бежит?

– А оттого, что радуется – как ее теперича вровень с человеком податями возвысили. Скот, а тоже свою праву чувствует и гордость есть. Эво, как хвостом-то машет! Теперь вот я ее кнутом хлещу, а как подать-то за нее внесешь, так, пожалуй, она тебя хлестать будет. С нашего брата четыре рубля за жестянку да адресный рубль сорок, а ее шкуру в двенадцать рублей оценили – вот она и играет с радости.

– Погоди еще – медаль ей на шею повесят, так она и не так запрыгает.

– Ну, этим ее не удивишь. Ей что чин, что медаль! Она к этому привыкла. Она у нас, ваше высокоблагородие, военная, из-под гусара и даже всякий военный артикул знает. Пройди сейчас солдаты с музыкой – она голову лебедем согнет и начнет копытой ножные танцы танцевать. Мы ее из казарм опоенную купили. Неужто, сударь, ей и в самом деле медаль на шею подвешат?

– Медаль не медаль, а бляху дадут.

– Ах, таракан ее забодай! Купцу, ваше благородие, будет тогда смерть обидно.

– Отчего же непременно купцу?

– Оттого, что уж он большую пронзительность насчет почета имеет, и вдруг ему такой обух по носу. Иной бьется, бьется, всякую механику подпускает и все с голой шеей, а тут вдруг конь его перешеголял. Вчера мы дворника тоже дразнили. Сидит у ворот с бляхой на груди, а мы-то ему натачиваем: «Нечего ноне нос-то задирать, с конями да с собаками вас по бляхам сравнивали. Вот теперь только коня кнутом ласкаем, а подравняется к Новому году он с вами, так и вас тогда тем же инструментом ласкать будем. Где тут впопыхах разобрать, что конь, что дворник». Рассвирепел он, вынес ведро воды да и вылил на меня. Что смеху-то было!

– А простудился бы. Вот тебе и смех. Ведь теперь зима.

– С чего студиться-то? Ведь мы не господского звания. А

правда, сударь, что эти самые лошадиные деньги в Думу на прочет пойдут?

– На какой прочет?

– Да так мне один купец сказывал, только купец обстоятельный. Вот когда этот новый мост строили, то городская голова просчитался. Нужно было подрядчику тридцать семь миллионов отдать, а городская голова, запарившись, шестьдесят два ему отдал. Вот теперь и давай с лошадей да собак прочет пополнять.

– Пустяки. А что за мост лошадиный и собачий налог, то это верно. Из каких же иначе доходов было строить?

– Тоже так я слышал, что на мингальский огонь в фонарях на новом мосту эта самая лошадиная подушная. Вот поди ж ты: из лошадиных да из собачьих денег у нас мост-то выстроен. А что, сударь, ведь, пожалуй, по-настоящему после этого не русалку с рыбьим хвостом надо было в перилах-то на мосту поставить, а собачьи да лошадиные портреты, так как из ихних денег мост-то построен. Уж коли отдавать им честь за это, то портретным манером, а не медалями. Для человека-то очень обидно. У нашего хозяина живет в извозчиках солдат отставной, и с медалью он, так тот из-за этого самого с извозом порешить хочет. Как, говорит, лошади бляху на шею навесят – сейчас я извозчицкое ремесло побоку и в кухонные мужики уйду служить. Очень многие обижаются. Седок расхохотался.

– Но ведь это ужасно глупо, – проговорил он. – Какой же

такой в лошадиной и собачьей бляхе может быть почет?

— Как какой? Все-таки отличие. Дворнику за что бляха дается? За ночное бдение. Почтальон ее тоже носит за то, что целые дни ступени на лестницах считает, а собаки и лошади за что? Ну, лошадь еще туда-сюда, ее в Егорьев день святят даже, а ведь собака — зверь поганый. Да и не внесут деньги за собак. Разве только господа, которые по своему малодушеству псов в морду целовать любят, те внесут. У нас вон есть на извозничьем дворе псина. На цепи она сидит и наших лошадей по ночам в конюшнях облаивает, так хозяин наш наотрез сказал: ни в жизнь, говорит, за нее не заплачу, лучше сам по ночам лаять буду. И многие не заплатят. А я вам, сударь, вот что скажу: уж ежели облагать новой подушной на этот мост, то самое лучшее дело к бабе прицепиться, ее и обложить. За замужнюю бабу кажинный муж заплатит. Да и все-таки не задорно, ежели у ней на шее бляха повешена. А хорошая гладкая пятипудовая баба да с бляхой, так даже мужу украшение. Можно даже так брать: с телесной бабы — восемнадцать рублей, а с ледащей — шесть. Так же и бляхи: для телесной бабы — большая бляха и с колокольчиком, а для ледащей — маленькая. Само собой, что иной и откажется платить, только ведь такие бабы редки, чтобы ее незнакомому черту подарить и чтоб он ее назад не принес. Уж как ни плоха баба, а все к ней пристрастие чувствуешь и привычку. Иной вон любит, чтоб она перед ним языком звонила, и без этого у него кусок в горло не идет. А ежели такую бабью по-

душную сделать, так купцы – те на хвастовство друг перед дружкой пустятся и начнут золотые бляхи своим бабам делать. Иной бриллиантами еще украсит. Да и для самой бабы-то лестно. А собаке что!..

– Ты, брат любезный, совсем уже заврался. Остановись вон на углу.

– Ну, ты, двенадцатирублевая! Поворачивайся! – крикнул извозчик. – Тпр! Прибавьте, сударь, на лошадиную-то подушную. С нового года думаю сам на одиночке хозяйствовать.

После заграничных земель

В одном из рыночных трактиров, важно откинувшись на спинку кресла, с сигарой во рту и за столиком особняком сидит толстый купец с подстриженной под гребенку бородой и с презрением смотрит на все окружающее. Перед ним стакан с водой и рюмка абсенту. Входит тощий и юркий купец с усами, снимает с себя шубу, кладет ее на стул и, увидя толстого купца, раскланивается с ним.

– Константину Федосеичу особенное!.. С приездом честь имею поздравить! – восклицает он. – Давно ли изволили из заграничных-то Европ?

– В четверг с курьерским... – важно отвечает толстый купец и, не изменяя своего положения, барабанит пальцами по столу.

– Ну, как там: все благополучно в Европах-то? Понравилось ли вам?

– Деликатес.

– Нет, я к тому: какую чувствительность теперь ко всему нашему чувствуете?

– А такую, что я вот даже после Европы компании себе не нахожу.

– Дико?

– Еще бы при невежестве-то да не дико! Нешто там, к примеру, такие трактиры есть?

– Чище?

– Чудак! Там либо ресторан, либо биргале. И сиволдая этого, что у нас трескают, и в заводе нет.

– Да ведь то иностранцы, а без сиволдая-то как будто русской утробе и скучно.

– Поймешь европейскую современность, так будет и не скучно, а даже меланхолию почувствуешь, когда на него взглянешь. Претить начнет.

– Чем же там народ свое хмельное малодушество доказывает?

– А вот чем, – отвечал толстый купец и показал на рюмку. – Это абсент. С него только одну культуру в голове чувствуешь, а чтоб заехать кому в ухо – ни боже мой! Ошибешься им, так даже ругательные прения тебе на ум нейдут, а только говоришь: пардон. И пьют его там не так, как я теперь пью. А поставят рюмку в большой стакан и нальют его водой. Рюмка закрыта водой, из абсента дым в воду идет – и вот этот самый водяной дым глотают. Сейчас я потребовал себе большой стакан и хотел по-европейскому садануть, но здешние олухи даже не понимают, какой фасон мне нужно.

Тощий купец покрутил головой.

– Пошехонье здешний прислужающий, а нет, так углицкий клей, так вы то возьмите, где ж ему иностранные порядки понимать, – сказал он и подсел к толстому купцу. – Ну, как немцы? В Немецчине-то были ли?

– Еще бы. Немецчину никак объехать нельзя. С какой сто-

роны ни заходи – все на немца наткнешься, – дал ответ толстый купец. – В Берлине я трое суток в готеле стоял. Первое дело – там даже городовые есть конные и все собаки в намордниках. Приехал я в «Орфеум» – на манер как бы наш Марцинкевич – кельнеры меня за полковника приняли и честь отдают.

– Это что же такое кельнеры, войско ихнее, что ли?

– Дурак! И разговаривать-то с тобой не хочу.

– Зачем же вы, Константин Федосеич, ругательную-то литературу поднимаете? Ведь я в заграничных Европах не бывал. Вы только поясните.

– Кельнер – это прислужающий. В Неметчине кельнер, а во Франции – гарсон.

– А дозвоьте спрос сделать, где больше деликатности: во Франции или в Неметчине?

– Нешто есть какое сравнение! Франция – совсем особый коленкор. В Берлине пиво, а в Париже – красное вино. Бир и ординер. Ординером можешь сколько угодно накачиваться, и разве смутит только, а интриги супротив противоположной личности не почувствуешь. С пива же немецкого все-таки некоторый зуд в руках и антипатия в голове. Но Бог уберег.

– То-то я знаю, что вы на руку скоры, – заметил тощий купец.

– Коли я с образованными людьми, я сам образование в себе содержу, – отвечал толстый купец.

– А Англия?

– До той пятнадцать верст не доезжал. Приехал в Кале, встал на берегу Средиземного моря, проводник говорит: «Вон Англия на той стороне». Стою и думаю: переплыть или не переплыть? Но порешил так: англичане – народ драчливый, и этот самый бокс у них, а я сам люблю сдачи давать, так долго ли до греха... Ну, плюнул и остался во французских землях.

– И нигде никакой воинственности из себя не доказали?

– В Швейцарии одного швейцара в ухо съездил, но на восьмидесяти франках помирились. Из арфянки в кафешантанном обществе междометие вышло. Я ей «фору» и «бис» кричу, а он шикает да меня палкой по плечу... Ну, я не вытерпел и сделал карамболь по-красному.

– Ну, швейцара, так это ничего, а я думал, барина.

– Да он и барин был. Из врачей какой-то.

– Барин, а сам в швейцарах служит? Вот те клюква! Толстый купец вспыхнул.

– Дубина! Да ведь в швейцарской-то земле каждый человек швейцар, ежели не иностранец! – крикнул он.

– И все у дверей стоят?

– Иван Савельев, я тебя побью! Теперь я на русской земле, а не на заграничной Европе, и вся эта иностранная культура сейчас у меня из головы выскочит, – сверкнул глазами толстый купец. – Неужто ты того понять не можешь, что в Швейцарии каждый человек швейцаром называется, хотя бы он графского звания был. Во Франции – француз, в Англии –

англичанин, а в Швейцарии – швейцар. Понял, дура с печи?
– Еще бы не понять. Так ты бы так толком и говорил.
– В Швейцарии, кажется, каждый человек швейцарцем называется, а не швейцаром, – откликнулся с другого стола какой-то посторонний посетитель с баками.

Толстый купец вскочил с места и подбочился.

– Какого звания человек? С кем я разговариваю? – надменно спросил он.

– С надворным советником и кавалером Перепетуевым, – был ответ.

– Ну, это другое дело, – сдался толстый купец. – Так ведь швейцарцем мы его здесь, по нашему невежеству, прозвали, а в швейцарской земле он швейцаром зовется. Спроси его: какая твоя нация? Швейцар. Ну вот, господин надворный советник, я дал вам свой ультиматум, а уж теперь оставьте меня в покое, – прибавил он и сел. – Потому я даже не знаю, бывали ли вы и в заграницах-то.

– Можно и в заграницах не бывать, а знать лучше бывалого, – попробовал огрызнуться посторонний посетитель, но толстый купец стиснул зубы и молчал.

С толстым купцом хотел продолжать разговор и его тощий собеседник, но тоже не получил никаких ответов и отошел от него. Толстый купец сидел неподвижно, как статуя, дымил сигарой и только вздыхал. Сделав изрядную паузу, он позволил рюмкой о стакан и крикнул:

– Гарсон, анкор!

Стоящий поодаль слугитель, будучи уже обучен этим словам, бросился исполнять требуемое.

Большие миллионы

К подъезду государственного банка кровный тысячный рысак подвез расчесанную рыжую бороду, дорогую ильковую шубу и соболью шапку. Кучер осадил рысака, и борода, шуба и шапка, откинув медвежью полость, вышли из саней, надменно и гордо, сделав кучеру какой-то знак рукой, украшенной бриллиантовыми перстнями.

– Слушаю-с, Захар Парфеныч, – отвечал кучер и спросил: – Ежели долго в здешнем месте пробывать изволите, то я рысака-то ковром прикрою? Потому взопревши очень. Эво мыла-то сколько, а теперь стужа...

Борода, шуба и шапка утвердительно кивнули головой и, выпялив брюхо вперед, важно направились в подъезд.

На сцену эту в удивлении смотрели стоящие около банка извозчики. Когда кучер отъехал в сторону, они обступили его и стали расспрашивать о хозяине.

– Кто такой? – спросил извозчик.

– Богатеющий купец по подрядной части Захар Парфеныч Самоглотов, – отвечал кучер.

– То-то птицу-то видно по полету. Немой он из себя, что ли?

– Нет. А что?

– Да вот мы к тому, что он ничего не говорит, а только руками показывает.

– Он у нас завсегда так. Богат очень, так оттого. Большие миллионы у него.

– И ни с кем не разговаривает?

– С равными разговаривает, а с домашними и с прислугой больше руками да головой.

– Вот чудак-то! – дивились извозчики. – И давно так?

– Больше после войны, потому у него тут подряд чудесный был с неустойкой от казны, но совсем настоящего разговора он лишился с тех пор, как у него завод сгорел, а этому месяцев пять будет, – рассказывал словоохотливый кучер, покрывая рысака ковром.

– С перепугу у него, верно, словесность-то пропала?

– Какое с перепугу! Просто оттого, что он уж очень много денег за пожар получил.

– Пожар! Скажи на милость! Кому разорение, а кому богатство.

– Сильно с пожара в гору поднялся. Теперь никому его рукой не достать. Что ему? Орденов разных у него, как у генерала, архиереи в гости приезжают, мундир, весь шитый золотом, и только каски этой самой с пером нет. Вот он все в молчанку и играет. Дом у него словно дворец, везде купидоны да диваны с золотом. Целый день бродит по комнатам, в зеркала смотрится, то на одном диване полежит, то на другом, то на третьем, и все молча. Халат у него атласный на белом меху и с хвостиками, стакан, из которого чай пьет, золотой, кровать под балдахиной.

– И то есть ни с кем не разговаривает?

– Дома, почитай, что ни с кем. Только разве одно слово. Разрешение бывает только тогда, когда ему ругаться захочется. Тут уж словно что польется. Видал ты, как плотину прорывает? Так вот так. И какой голос зычный – что твоя труба.

– Как же он домашних или прислугу к себе зовет?

– Спервоначала звал звонками. Колокольчики по всей квартире у нас устроены. Да плохо понимали его и сбегались к нему все вдруг, так теперь завел инструменты. Ну, ими и зовет, кого ему нужно.

– Какие же инструменты? – допытывались извозчики.

– Всякие. Для камардина у него труба. Как понадобится камардин – сейчас в трубу. Для артельщика свисток – вот что городовые носят. Для жены гармония заведена. Для сына дудка. А ежели приказчик ему понадобится, то сейчас это возьмет и завертит у себя в кабинете орган. Гудит орган, ну, приказчик со всех ног и бежит к нему.

– Вот так купец!

– Уму помраченье. И мы спервоначалу диву дались, да уж теперь-то привыкли, – согласился кучер. – И каждая музыка у него на голоса. Ежели понадобится ему шампанского в кабинет – сейчас он камардину из трубы тонкий глас пускает, а ежели лошадь приказать кучеру закладывать – толстый. Одеваться ему понадобится – переборы на трубе. Так уж камардин и знает. Для повара бубен у него есть. Как обед или ужин заказывать – сейчас повара в бубен зовет. И заказ без

слов. Сунет ему в руки записку – и довольно. На гармонии-то он средственно играет, еще в старые годы на заводе привык, так жена кой-как его понимает по песням, а другие, так просто наказание! Чего-то хочет, а понять невозможно – ну и сердится. Жена все в будуаре сидит. Там у нее и отдельный самовар, и ваза серебряная со сладостями поставлена. Как это время ко сну – сейчас он ей из кабинета на гармонию такую песню: «Ты поди, моя коровушка, домой». Ну, она сейчас плывет в спальню. К обеду кличет песней: «Братья, рюмки наливайте». Сын долго привыкнуть не мог, чтоб на дудку идти, так он у него этой самой шерсти столько из головы повытаскал, так просто страсть! Артельщик наш тоже вот все свою науку понять не может, потому уж очень много сигналов. Один свисток – значит, в банк беги, два свистка – деньги сдавай, потом три, четыре, пять, два свистка с большой передышкой... Стал записывать, а хозяин вдруг ни с того ни с сего и переменил свистки. Сказать артельщик боится, ну и действует наугад. Иной раз шесть попыток сделает, пока ему в настоящую жилу попадет. А тот молчит, злится и все сигналы подает.

– И так ни с кем дома не разговаривает? – опять спросили извозчики.

– С попугаем разговаривает, и то потому, что он не человек, а птица. Есть у нас в гостиной попугай ученый, так с ним. Подойдег и скажет: «Здравствуй, попка», а тот ему в ответ: «Именитому купцу почет!» Тем и сыт насчет словес-

ности.

– Так ведь скучно так-то? Книжку он, что ли, читает?

– Никакой. А у него есть лист такой, на котором обозначено, какие процентные билеты почем, – вот он его читает. Разговор у него бывает только в то время, когда у него гости, равные ему: Трилистов, миллионер, архиерей, генерал Тухтин. Прежде хоть с протопопом нашим разговаривал, а теперь уж месяца два перестал. Придет протопоп и говорит, а он сидит против него и молчит. Теперича сколько народу ему кланяется по дороге, а он ни перед кем и шапки не ломает. Сидит, как сова, без внимания и будто никого не видит. Вот она, гордость-то!

– Ну а как же он тебе приказывает, куда ему ехать надо?

– Никак. Выйдет из подъезда, сядет в экипаж и ткнет меня кулаком в затривок. Это значит, прямо поезжай. Назад повернуть, так два раза ткнет. Направо, так в правое плечо, налево – в левое. И ведь до чего в своем головоломном павлинстве дошел. Ехали мы это как-то около Казанского собора, а навстречу нам солдаты шли, да и заиграй в это время музыку; так он вообразил, что ему, да что ж ты думаешь, поднял руку по-военному около шапки и держит. Барабан теперь хочет у себя дома завести, и такой манер, что как он сам в прихожую входит, так чтобы в барабан били.

В это время на подъезде опять появились расчесанная борода, ильковая шуба и соболья шапка. Кучер встрепенулся. Извозчики стащили с рысака ковер и положили в сани. Ку-

чер подъехал. Борода, шуба и шапка сели в сани и ткнули кучера рукой в спину. Рысак помчался. Извозчики глядели вслед и говорили, качая головами:

– Скажи на милость, какая бессловесная тварь!

Портной-меценат

В один из магазинов готового платья входят двое молодых людей в очень незавидных костюмах. Один блондин, другой брюнет.

– Поликарпу Доримедонтычу! – возглашает блондин и подает руку занимающемуся кройкой сукна хозяину с кожаным сантиметром на шее.

– Здравствуй, театральный простак, здравствуй! – отвечает хозяин-портной и, кладя ножницы, потрясает протянутую ему через стол руку. – Повернись-ка, повернись-ка! Вот так. Ах, братец ты мой, как ты пообносился! Смотри-ка, брючонки-то ведь у тебя с бахромой. Ну что ж, видно, денег принес по старому счету и хочешь, чтоб я тебя обновил насчет штанины и пиджака?

– В том-то и дело, что денег нет ни гроша, а обновиться бы не мешало.

– Плохо, значит, твое дело, плохо. Ты это где пропадал? Я уже в заупокойное поминанье хотел тебя записать.

– Присяга наша известная. В Балабаеве куплеты комические пел и жидовские сцены рассказывал. Вчера только приехал.

– И яко благ, яко наг, яко нет ничего? – спросил портной.

– В одном кармане пусто, да и в другом негусто, в третьем смеркается, а в четвертом заря занимается. Антрепренер жа-

лованье зажиллил.

– А бенефис?

– Три с полтиной в очистку и то пополам с дирекцией.

– Как же это, братец, так? Видно, афиша у тебя была нехороша. А ты бы посулил съесть живого человека перед публикой, что ли.

– Там уж до меня ел один комик живого-то человека, и публика все равно не поверила бы.

– Ну, в бутылку влез бы в заключение бенефиса.

– Тоже до меня влезали. Балабаев – город ученый. Там и по воздуху актеры летали, и угадывали желание публики. Ничем удивить нельзя. Придумывал, придумывал удочку и чуть с ума не сошел. Плюнул и напился пьян.

– На пьянство-то, значит, деньги были? А ты бы вот их портному и приберег.

– Пьянство в долг верили. Кругом задолжал, оставил чемодан в гостинице и бежал оттуда ночью.

– Чемодан-то ведь пустой был?

– Само собой. Денег на железную дорогу нет, но вдруг, о счастье! Богиня сжалилась над несчастным страдальцем и послала хмельного купца. К нему приснастился, и за билет и выпивку с закуской всю дорогу ему в вагоне куплеты пел и жидовские сцены рассказывал. Благодарю Бога о том, что в острог в Балабаеве не попал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.